

«ИСКУССТВО»

2 р. 70 к.

Колищнист

Евгений Иосифович Габрилович родился в 1900 году в г. Воронеже.

Литературной работой начал заниматься с 1919 года. Писал очерки, статьи для газет, журналов.

В начале 30-х годов выходят его первые книги — сборники рассказов: «Погоня», «Тихий Бровкин», «Четыре рассказа», «Деревня» и другие.

С 1934 года Е. Габрилович начал работать в кино. Свой первый сценарий «Последняя ночь» он написал совместно с кинорежиссером Ю. Раизманом, который в 1936 году поставил по нему фильм.

Накануне Великой Отечественной войны кинодраматург написал сценарий «Машенька». В годы войны Е. Габрилович находился в рядах Советской Армии, работал военным корреспондентом. Он прошел путь от Москвы до Берлина. Работу сценариста Габрилович не прекращает даже в эти трудные годы. В 1942 году создает сценарий «Два бойца».

После войны кинодраматург пишет сценарии «Убийство на улице Данте» (совместно с кинорежиссером М. Роммом), «Урок жизни».

Вместе с писательницей Г. Николаевой Е. Габрилович работал над экранизацией ее романа «Жатва» («Возвращение Василия Бортникова»), а также написал сценарий по известной книге Этель Войнич «Овод».

Последняя работа Е. Габриловича — вторая новелла в фильме «Рассказы о Ленине».

Евгений Габрилович

Коммунист

Киносценарий

Государственное издательство

«ИСКУССТВО»

Москва 1958

И

дет поезд по бесконечным просторам, мимо выбитых окон станций, паровозных кладбищ, заколоченных водокачек. Нависли мешочки на его вагонах. Он идет мимо платформ, забитых военным и штатским людом, — впрочем, не отключишь, кто военный, кто штатский: все в шинелях, в обмотках и башмаках.

— ЭТУ ИСТОРИЮ, КОТОРУЮ Я ХОЧУ ВАМ РАСКАЗАТЬ, — ЗВУЧИТ ГОЛОС ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ, — Я СЛЫШАЛ ОТ МОЕЙ МАТЕРИ. ОНА РАССКАЗЫВАЛА МНЕ ЕЕ НЕСКОЛЬКО РАЗ, И ВСЕ ЖЕ МНОГОЕ ТЕПЕРЬ ВЫВЕТРИЛОСЬ ИЗ МОЕЙ ПАМЯТИ, СПУТАЛИСЬ ДАТЫ, ФАМИЛИИ, ВЕРОЯТНО, ПЕРЕМЕШАЛИСЬ СОБЫТИЯ. ОДНАКО Я РАССКАЖУ, КАК ПОМНЮ.

СВЕРШИЛАСЬ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, НАСТАЛ ТРУДНЫЙ ГОД. СТОЯЛИ ЗАВОДЫ, ФАБРИКИ, НЕ БЫЛО ТОПЛИВА, ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. РЕДКО ХОДИЛИ ПОЕЗДА. И ТОЛЬКО МЕШОЧНИКИ КОЧЕВАЛИ ПО РУССКОЙ ЗЕМЛЕ, ГОЛОДНОЙ, ПОВИТОЙ ПУЛЯМИ, СОЖЖЕННОЙ ПОЖАРАМИ.

ВОТ В ЭТУ ГРОЗНУЮ ПОРУ, КОГДА, КАЗАЛОСЬ, ВСЕ ДУМЫ БЫЛИ О ФРОНТЕ, ЛЕНИН РЕШИЛ НАЧАТЬ СТРОЙКУ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ. ОДНА ИЗ НИХ СТРОИЛАСЬ ВОЗЛЕ ДЕРЕВНИ, КОТОРУЮ Я НАЗОВУ ЗДЕСЬ ЗАГОРОЙ.

Евгений Габрилович КОММУНИСТ

Редактор Т. Е. Королькова
Оформление художника И. С. Клейнард
Художественный редактор Э. Э. Ринчино.
Технический редактор Л. А. Иванова
Корректор Н. В. Корсунская

Сдано в набор 5/IV 1958 г. Подп. в печ. 3/VII 1958 г.
Форм. бум. 70×92^{1/2}. Печ. л. 4,25 (условных 4,97). Уч. издат. л.
4,828. Тираж 10 000 экз. Ш 05192.
«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25. Изд. № 15205.
Зак. тип. 333. Цена 2 р. 70 к.
20-я типография Московского городского совнархоза.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

ВЕСНОЙ СО ВСЕХ СТОРОН СЮДА ПОТЯНУЛИСЬ
ЛЮДИ. С ЭТИХ-ТО ДНЕЙ МОЯ МАТЬ ОБЫЧНО И
НАЧИНАЛА РАССКАЗ.

Остановился поезд на полустанке. Повы-
сыпали из поезда люди.

Они идут по загорским дорогам, среди
болот, редкого низкорослого леса, крючковатых
кустов. С сундучками, пилами и топорами,
обернутыми в рогожу, с ящиками плот-
ничих инструментов — плотники, землекопы,
каменщики. В саногах, в военных ботинках
и обмотках, в лаптях, в одежонке, оставшейся
от развалившихся фронтов империалистиче-
ской войны, — штанах и шинелях, прошедших
бесчисленные базары, вымененных или куп-
ленных. Много женщин — полукрестьянская,
полугородская одежда.

Группы идут по большаку, рассыпаются
по проселкам и призагорским селам, мель-
 чают. Остаются одиночки.

Вот медленно ковыляет молодой парень в
шинели. Идти ему трудно, болит нога. Оста-
новился, потер ногу, опять пошел.

Впереди далеко над лесом всколыхнулся
неясный багровый свет и заиграл под низкими
серыми облаками. Парень окликнул ма-
стерового, который шел той же дорогой и
обгонял его:

— Э, браток, слышь! Ты здешний?
— Со стройки.
— Гляди, что это? Никак пожар?
Тот равнодушно поглядел на багровый
отсвет.
— Горит...

— А где?

— Надо быть, торф горит...

Хромой парень беспокойно спросил:

— Это как же — поджог? Или что?

— А кто его знает... Дело это тут частое.

Может, с цигарки, а может, кто бáлует.

— Бáлует! — передернул плечами па-
рень. — С жильем у вас как? Для приезжих?

— В землянках живут... А то по дерев-
ням... Народ тут бедный, им деньги нужны.
Болотный народ! Сарпинку ткут да на торф
артелями ходят.

— Так на квартиру примут?

— Постучись, может, примут.

* * *

И вот парень (это Василий Губанов)
идет по улице плохонького сельца Теребеевки.
Почти возле каждой избы стоят приехавшие
с поездом на стройку люди и просятся на
постой. Но, видать, без успеха, потому что
отходят от окон и бредут дальше.

Василий свернулся с улицы влево. Глухой
переулок, пусто. Василий постучал в окно.

— Не стучи, нет местов!

Постучал в другую избу. Мужской голос
спросил:

— А платить чем будешь?

— Чем платят? Деньгами.

— Деньгами не подойдет...

Третье окно. На стук показался невысо-
кий мужчина, востроносый, с пугливыми гла-
зами.

— Чего гремишь?

— Послушай, хозяин, пусти в избу...

Я сахар дам.

— Без тебя полон дом народу.

— Я в ногу раненный, понимаешь?

С фронта.

Мужичонка пощупал его глазами.

— А про сахар врешь ай нет?

Василий вынул из дорожного мешка кусок сахару. Мужик (звать его Федор) попробовал на зуб. Действительно сахар без обмана и фальши.

— Заходи.

Изба неказистая. Стол, скамьи, ткацкий станок. За столом ужинают (едят из одного котелка тощие щи) двое постояльцев: молодой парень Степан и другой человек, весьма странный — длинные, как у попа, волосы, борода, усы. Степан зовет его Расстригой.

Хозяйка Анюта, совсем еще молодая женщина, в черной кофте, черной юбке, с плащечком на голове, худенькая, стройная, прислуживает им. У Анюты плавные, неторопливые движения. Крепкие, упругие ноги, к которым словно приклевые зрачки Степана.

На полу спит третий постоялец — маленький, в солдатской шинели, — Денис. Четвертый жилец — пожилой, солидный Семен — сидит в углу и чинит сапог, подбивая подметку тяжелым плотницким молотком.

— Гляди, Анюта, — сказал Федор и показал жене сахар, полученный от Василия. — Вон, устраивайся, — кивнул он Василию на пол рядом с Денисом, сел за стол и взял ложку.

— Если жить у нас будешь — весь паек мне, — сказал он. — И деньжат подбросишь.

Василий вяло кивнул — видно было, что он очень устал с дороги.

— Есть хочешь — садись, — бросил Федор. — Анюта, дай ему ложку.

— Не надо, — сказал Василий.

Начал снимать сапоги. Скривился от боли.

— Ай болит? — участливо спросила Анюта.

— Побаливает.

Из бутылки, спрятанной под подкладкой пиджака, Расстрига налил себе полный стакан разбавленного спирта и плеснул чуть-чуть Федору и Степану. Выпили.

— Эй, хромой! — окликнул Расстрига. — Ты откуда? С фронта?

— С фронта.

— А верно, что генералы Харьков взяли?

— Не знаю... — Василий лег на шинель. — Не слыхал.

— Факт — взяли! — крикнул Степан. — Не знаю! — передразнил он Василия. — На Москву идут. Факт! — Он крутнулся головой и захочотал.

Вообще был он парень смешливый, все время смеялся, и не всегда можно было понять — почему.

— А ты чего радуешься? — оторвался от своего сапога Семен, обращаясь к Степану. — Ты ведь в коммунисты хотел.

— А что ж... Может, и запишусь... Не все разом!.. Верно, Анюта? — И Степан ласково вытянул по спине пробегавшую мимо Анюту.

— Ну ты, играй! Кобель! — тонким, злым голосом крикнул Федор.

— А тебе-то что? — засмеялся Степка. — Тебя ж все одно повесят.

— Это за что? — Федор перестал жевать.

— А как же! — поддержал Степку Расстрига. — Ты помешников громил? Громил.

— Так ить все громили.

— Ну всех вас и повесят. Разве деревьев мало?.. Правильно я говорю, солдат? — обратился Расстрига к Василию. — Деньги есть? Иди выпей.

— Неохота, — ответил Василий.

Семен отложил сапог, подошел к столу, отслюнил деньги.

— Ну-тка мне...

Не вынимая бутылки из-под подкладки, Расстрига налил себе и ему. Выпили.

— Сильна! — крякнул Семен. — Откуда взял?

— Бог послал.

— Бог доски послал к нему на склад, а он их на спирт выменял, — сказал хохоча Степан.

— Ну, ты! — вскинулся на него Расстрига. — Язык-то попридержи!

— А что?

— А то! Враз обрублю!

Забормотал лежавший на полу Денис:

— Эх, эх... люди!. Народ на фронтах по-мирает... А он на складу сидит... Совести нету!

Василий лежал и курил. При словах Дениса он сочувственно взглянул на него. А Степка накинулся на Дениса:

— А тебе чего надо? Аника-воин!

— Постой, постой! — грозно сказал Расстрига. — Это у кого совести нету?.. Эй, — окликнул он Дениса. — Это у меня нет... А у них совесть есть? Церкви закрыли, ни хоронить, ни крестить, ни до бога помолиться. Народ голый ходит.

Бегала, убирая со стола, Анюта.

— Что правда, то правда, — сказал Семен. — Дегтя нет, ситцу нет, хлеба нет...

— Долго ли дело таким вот все расташить, — бормочет с полу Денис, кивнув на Расстригу.

Тот, не говоря ни слова, вдруг со всего маху бросает в него пустую бутылку. Бутылка о стену — и вдребезги!

— Ты что? Ты кто такой? — кричит Денису Расстрига. — А?.. Кто такой? Насобачились агитировать!.. — К Федору. — Гони его в шею!

Степка хохочет.

Федор. Слыши, что ли!.. Как тебя... Денис... Ты чего это?.. Зачем обижашь?..

Денис (спокойно поворачивается на другой бок к стене). Ладно, завтра домелем...

Степан (поддразнивая и натравливая Федора). Чего глядишь! Наддай ему хорошенъко!

Федор — он в подпитии — встает. Анюта удерживает его:

— Не надо, Федя.

Федор. А чего он людей обижает!

Расстрига. Ладно! Таперича недолго... Бог, он все видит, мать их так!

Громкий стук в окно. Чей-то голос:

— Эй!

Федор (*Анюте, в сердцах*). К бесу их!
Скажи, что и так полно. Надоели!

Анюта (*в окно*). Полну у нас... Полну...

Голос (*из-за окна*). Партийные есть?

Все притихли.

Анюта. Чего-чего?

Голос. Коммунисты есть, говорю?

Анюта (*растерянно*). Коммунисты?

Федор (*резко*). Какие еще коммунисты?

Нету тут...

Анюта (*в окно*). Нету тут...

— Постой, — проговорил Василий. Встал, подошел к окну. — Я партийный.

— В контору, на собрание.

Молча вернулся Василий обратно, натянул сапоги. Все, раскрыв от изумления рты, глядели на него. Василий накинул на плечи шинель.

— Эй, мил человек, — забормотал Федор, — ты это... как бы это... Может, щеч поешь на дорогу-то?..

— Не надо. Спасибо, — сказал Василий и вышел.

* * *

Плачет-заливается грудной ребенок. Ка-
чает его на руках мать:

— А-а-а-а!..

Но младенец продолжает надсадно, надрывно, сердито пищать.

Происходит это за пологом крестьянской избы, в которой временно помещается контора загорской стройки,

А в самой избе идет партийное собрание:
семь человек, включая Василия, — вот и все коммунисты.

Говорит Хромченко, партийный руководитель стройки. Он чем-то напоминает Я. М. Свердлова — пенсне на шнурке, кожаная куртка. Худой, обросший, бледный от бессонных ночей.

— Что ни день — пожар на болотах, — сердито хрипит он. — Товарищи говорят — случайность... Но все-таки, черт побери! Случайность — раз, случайность — два... Опять же — воровство. Из Москвы нам шлют материалы, а назавтра, глядишь, они на базаре. Что это? Тоже случайность?!.. Да уgomони ты его, боже мой! — крикнул он хозяйке за полог.

И хозяйка еще энергичнее заныла:

— А-а-а-а!..

А младенец еще пуще начал пищать.

— Несерьезно все это как-то у нас... — сказал Хромченко, морщась от писка. — Ведь белыми взят Харьков. Отрезан донецкий уголь... Торф нужен Москве. Электроэнергия... И вот, товарищи, мы...

* * *

...Голос его ушел в затмение. Снова изба Федора. Все тут уже спят: Расстрига вместе со Степкой на одной лавке, Семен и Денис на полу. За пологом, на супружеской кровати, рядом с Анютой лежит Федор. Его бессонные глаза так и бегают — множество разнообразных идей толпится у него в голове.

— Анют, а Анют! — шепотом окликает он жену.

— Что?

— Слыхала про генералов-то?

— Ага.

— Беда! — охнул Федор. — Надо бы хоть сарпинку из дома вынести да в сарае зарыть. Все послокойнее. Слыши, Анююта?

— Да надо бы...

— О господи, святые угодники! — забормотал Федор. — Спрячем сарпинку, а после троицы поеду ее на сало менять. Под Курск.

— Это где же Курск-то он?

— Да лях его знает!.. Петька приехал, говорит, там хорошо за сарпинку дают. Как думаешь? — беспокойно спрашивал он жену.

— Не знаю, Федя... Делай как лучше.

* * *

...А в другой избе по-прежнему пищал ребенок и Хромченко говорил:

— Нужно, товарищи, чтобы у нас на каждом участке был острый и беспощадный партийный глаз. Авдеева надо на конный двор — там из под носа воруют. Верно я говорю, Александр Васильевич? — обратился он к начальнику стройки.

Начальник стройки Александр Васильевич Зимний, плотный мужчина с окладистой бородой, суровый, немногословный, сказал:

— По-моему, так.

— И вот еще вновь прибывший товарищ... Как тебя звать? — спросил Хромченко, раскрывая партийный билет Василия.

— Губанов. — Василий встал.

— Что делать умеешь?

— Слесарить... Ну, может, плотничать помаленьку... Землю рыть... Всё могу.

— А весы знаешь?

— Какие весы? — Василий в недоумении.

— Как — какие? Товары вешать.

— А зачем мне их вешать? Я рабочий, а не весовщик.

— Вот и пойдешь работать на склад, коли рабочий.

— Да на что мне ваш склад?! — вспыхнул Василий. — Смеетесь вы, что ли? Я кровь проливал, а теперь селедками торговать!!!.. Не буду! Отдай партбилет!

— Кровь проливал! — гаркнул вдруг Зимний да таким громовым голосом, что все вздрогнули и уставились на него. — На фронте! А мы что, дурака тут валяем, по-твоему?! Кровь проливал! Кланяйтесь ему в ножки!.. Отдай ему партбилет! — крикнул он Хромченко. — Не хочет — не надо!

Но Хромченко отстранил его руку и голосом странной силы, столь удивительной в щуплом, чахоточном человеке, сказал Василию:

— Пойдешь на склад. Понял?

* * *

Промозглое, туманное, болотное утро. Пропыхтел поезд узкоколейки, и вместе с ним мы проехали вдоль бескрайних торфяных участков, где работали женщины.

Вот и поселок на Черном озере. Тут идет стройка электростанции и городка. Шагает по

единственной улице городка Василий. Шагает мимо бараков, Народного дома, магазинов. Все это еще только строится, все это — в будущем. Пока же шум, суматоха, хаос стройки.

Вот большой котлован, где трудятся землекопы с тачками и где полощется на ветру красный транспарант. Вверху транспаранта надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А внизу: «Здесь будет электростанция».

Неподалеку материальный склад строительства — засыпной барак из теса. Когда Василий подошел туда, из широких дверей несколько человек выносили какие-то мешки, другие, приехавшие с участков за разными материалами, ожидали своей очереди. Василий остановил людей, выносивших мешки.

— Погоди! Давай назад!

Удивленные и озадаченные, те подались назад, в склад.

— Положьте! — приказал Василий.

Те сбросили мешки с плеч.

— Выходите! — указал на дверь Василий.

Ничего не понимая, грузчики, переглянувшись, вышли.

Василий плотно закрыл за ними дверь.

— Эй, гражданин! — ошеломленно сказал один из складских. — Ты чего это! Чего командуешь?

Василий не отвечал, проверяя содержимое мешков.

— Яков Пантелейевич! — крикнул складской.

Из дверец конторки на зов показался Расстрига.

— Товарищ! — строго обратился он к Василию, который уже ходил по складу, рассматривая товары и полки. — А ну, вынь отсюда. — И тут же, узнав Василия, изменил тон: — А, сосед!. Здорово, сосед... Вам чего нужно?

Василий не ответил. Он продолжал как ни в чем не бывало ходить по складу.

— Слыши-ка, товарищ, кому говорят! — постrophe заметил Расстрига. — Так не положено. Здесь казенное имущество.

— Ключи у тебя? — спросил Василий.

— А что такое?

— Давай сюда.

— Гляди, я сторожей закричу!

— Ключи давай, говорю, — сказал грозно Василий и шагнул к нему.

В это время, наскучив ожиданием, забаранили снаружи в двери нетерпеливые клиенты.

— Ну-ка, откинь засов, кликни народ, — приказал Расстрига одному из складских.

Тот пошел к дверям.

— Стой! — грянул Василий так, что тот сразу замер на месте. — Отойди от дверей!. Всё мандат, — протянул он бумагу Расстриге.

Тот, даже не взглянув на мандат, повернулся к выходу.

— Обожди! — Василий поднял обе его руки вверх и стал обыскивать карманы.

Расстрига стоял с поднятыми руками и бормотал:

— За что обижашь-то?.. Бога ты не боишься... Брехня это все. Брехал про меня Степка. Вот истинный бог, святая икона.

Найдя у Расстриги за подкладкой пиджака шурпузы, Василий так толкнул его к дверям, что тот не удержался на ногах.

— Мотай отсюда! — сквозь зубы сказал Василий. — И вы тоже! — повернулся он к складским. — И чтоб за сто верст духом твоим не пахло, — опять обратился он к Расстриге. — А если встречу — ой берегись!!

Расстрига встал, отряхнул пыль со штанов.

— Ну это уж как придется, — негромко сказал он. Огненные глаза его так и сверкали. — Может, бог даст, еще и встренемся.

И выскользнул в дверь. Ушли и складские. Василий открыл двери склада пошире. Оглянулся очередь. Сказал:

— Ну, кто чего?

Зажужжали голоса, и первый в очереди протянул бумагу.

— Вот наряд. Гвозди.

Василий вошел в склад и в поисках гвоздей начал передвигать ящики и мешки, переворачивать бочки.

* * *

Начальник строительства Александр Васильевич Зимний шел по тому участку стройки, где производилась корчевка кустарника и мелколесья. Народу тут было немало, но работало только несколько человек, в том числе Семен и Денис. Остальные бездействовали. Степан, например, лежал и курил.

Александр Васильевич Зимний спросил:

— Почему лежат люди?

— Топоров нет.

Зимний подошел к Степке.

— Встаньте!

— А вы кто сами-то будете, не знаю, как величать? — смешливо спросил Степка, оглядывая народ и приподнимаясь на локте.

— Начальник строительства.

Степан встал и дурашливо подмигнул рабочим.

— Обознался, простите... Командиров тут много, хоть землю трамбуй.

— Топоров бы нам, товарищ начальник, — сказал Денис. — Топоров нет. Люди вон есть, а топоров не хватает.

— Как это — нет топоров? — удивился Александр Васильевич. — Ведь на днях привезли. Сейчас же ступайте на склад, там теперь такой Губанов сидит. Скажите, что я велел выдать.

— Ага. Скажу, что от вас. — Денис быстро пошел по дороге к поселку.

Степан кинулся его догонять.

— И я с ним!.. А то журишь, куришь, аж дым из ушей идет.

* * *

Возле склада стоял шум, толпилось много народа. Некоторые приехали за материалами на подводах. Слышались нетерпеливые голоса:

— Чего там возишься! Давай скорей. День тут стоять, что ли?

Наконец в дверях склада появился Василий, потный, измазанный, весь в мелу и известке.

— Кто гвозди просил? Нету гвоздей.

— Как — нет? — рассердился тот, кто просил гвозди.

— А черт их знает, нету вот!

— Как — черт их знает? Который день — и все нет.

А вокруг уже слышались возгласы:

— Ты вот что, мил человек, давай отпускай олифу.

— Известку!

— Да постойте вы! — досадливо кричал тот, кто первый протянул Василию наряд на гвозди. — Я первый стою. Гвозди давай! — кричал он Василию.

— Погодите, товарищи, дайте разобраться, — Василий провел ладонью по потному лбу и снова исчез в недрах склада.

А вдогонку неслось:

— Что же тут, стройку остановить, пока ты разберешься?

На складе царил беспорядок: видно было, что в поисках гвоздей Василий передвинул с места чуть ли не все мешки и бочки, стоявшие тут. И теперь он снова начал, надрываясь, передвигать и осматривать их в надежде все же сыскать гвозди. Снаружи доносился горячий, нетерпеливый шум. А Василий, все более и более покрываясь известковой и меловой пылью, волочил с места на место ящики и огромные кули.

За стеной шум превратился в протестующий рев, и в склад ввалились Денис и Степан, видать, после сильного скандала с очепаном. В получьме они некоторое время слепо толкались о ящики и мешки.

— Эй, который тут есть Губанов?

Из-за горы товаров показался измазанный, потный, несчастный Василий.

— Гляди, Денис! — изумился Степан. — Вот он, Губанов-то кто! А Расстригу куда девали?

— Уволился, — хмуро ответил Василий. — Вам чего тут? — добавил он неприветливо.

— Видал, Денис? — в полном восторге сказал Степан. — Не успел рожу с дороги помыть, а уже на складе сидит. Ловко. Вот оно, коммунисты-то!! Запишусь. Факт — запишусь!

— Вам чего здесь надо, я спрашиваю? — озлился Василий.

— За топорами мы, друг... Вот оно что... — объяснил Денис.

— Топоры? — Василий растерянно оглядел. — Топоров чтой-то не видно...

— Как — не видно, когда на днях привезли! — Степка удобно уселся на бочку и поошрительно кивнул. — Давай, давай, брат, иши. Сам главный велел. Без очереди.

И снова Василий в пути стал передвигать мешки и перекатывать бочки на сей раз в поисках топоров. Денис ему помогал. А Степка сидел на бочке, болтая ногами и выбивая по бочке ладонями дробь в такт мотиву, который он напевал.

— Слушай, Губанов, продай галифе, — крикнул он, оборвав мотив.

— Чего? — Василий вместе с Денисом отодвигал тяжелый ящик.

— В комиссары собирается, — ответил, посмеиваясь в усы, Денис.

— Чего смеешься-то? Факт! — серьезно обиделся Степка. — Вот только куплю галифе — и в партию. Как же так — в партии и без галифе!

Снаружи донесся неистовый шум. Десятки рук забарабанили в дверь. Василий вышел. И сразу тот, кто стоял первым в очереди и уже давным-давно предъявил наряд на гвозди, обрушился на него:

— Будешь ты отпускать гвозди ай нет?!

— Я сказал тебе: нету гвоздей.

— Хрен ты у него получишь! — громко, на всю толпу произнес чей-то язвительный голос. — Ты к нему с заднего ходу зайди.

И тут же целый шквал криков:

— Это верно!

— Спекулянты, черти проклятые!

— Ленин сюда материалы шлет, а они их — на базар!

— На базаре вон сколько хошь гвоздей.

На крик выскошли из склада Денис и Степан.

Шквал нарастал.

— Самогонщики!

— Рабочий народ всю душу кладет, а эти...

Какой-то резвый мужичок подскочил к Василию и закричал:

— Вор ты! Вор! И морда у тебя воровская! Чего глядишь на меня?! Вор!..

— Ну ты, потише! — не сдержавшись, крикнул Василий и шагнул к мужичку.

А мужичок чуть отскочил от него и продолжал орать:

— Чего — потише!.. Мне бояться некого!

Вор! Чего глядишь на меня?! На вот тебе!! — И харкнул Василию прямо в лицо.

Толпа замерла.

Василий рванулся к резвому мужичку, но Денис оттащил его, истощно крича:

— Стой, стой, братцы! Нельзя так... Он только назначен. За что вы его так сразу? Он только первый день...

Василий опомнился, резко повернулся, отбросил Дениса, вошел в склад и с силой захлопнул за собой дверь.

Здесь в полутьме он подошел к стене и прислонился к ней головой. На глазах у него были слезы. Так он стоял некоторое время, мотая головой, стиснув зубы.

Потом утер обеими ладонями лицо от плевка, вытер глаза, пошел к дверям, открыл их.

— Ну, кто за олифой!.. Давай!

* * *

Изба Федора. Как и в предыдущую ночь, все уже улеглись по своим местам, нет только Расстриги и Степана. Василий сидит за столом, читает книжку при свете коптилки. За пологом Федор и Анюта. И снова бегают бесконные Федоровы глаза.

— Нынче Чернобородый рассказывал, — лепечет он, — Ленин, говорит, сбежал. Слыходала?..

— Может, брешут...

— О господи, матерь божья!.. Мозгá за мозгú заходит... Не дай бог на самом деле помешники возвернутся... Допрыгались мы, ед-

рена вошь! До революции. До самой до мировой!.. Нет, надо немедля сардинку зарыть... Спит он? — кивнул Федор в сторону Василия.

Анютка осторожно отодвигает полог.

— Сидит.

— А, прах его! — И он адресуется к Василию: — За чтение, товарищ хороший, особая плата. Маслище нынче кусается.

— Ладно, дам денег на масло.

И Василий продолжает читать.

— Посторожи его тут, чтобы не вышел, — шепчет Федор. — А я мигом. Лопата в сарае?

— Там...

...Читает книгу Василий. Шевелит губами, как это делают не очень-то ловкие в грамоте люди.

Из-за полога появляется одетый Федор и проскальзывает в сени, косясь на Василия. За ним появляется и Анютка. Притворяется, что делает что-то по хозяйству: передвигает кастрюли, перетирает тарелки, все время поглядывая на гостя. Василий отрывается от книги.

— Чего не спиши, хозяйка?

— Дело есть...

Опять гремит кастрюлями, ходит по комнате. Останавливается около стола.

— А ты что читаешь?

— Книгу.

Показывает обложку. Увитое пламенем и знаменами заглавие «Коммунистический Манифест».

— Это об чем?

— Да про многое тут... — уклончиво и смущенно говорит Василий. — Сразу не разберешь...

— А зачем тогда читаешь?

— Значит, нужно: коммунист я. Понятно? Молчание.

— А не боишься?

— Чего это?

— Что коммунист. Придут белые, убьют.

— Если смерти бояться, тогда ничего в жизни не повернешь.

— Чудно.

Анютка отошла и завозилась возле печи, подметая сор. Вдруг Василий встал с табуретки, направился к двери.

Легче пуха Анютка тоже метнулась к дверям. Тревожно спросила.

— Ты куда?

— А что?.. За кисетом.

Вынул из кармана куртки, висевшей возле дверей, кисет и стал закручивать цигарку. Анютка зорко и тревожно следила за ним, боясь, как бы он не вышел.

Но Василий возвратился к столу.

Сел, закурил, затянулся. Спросил:

— И не скучно тебе тут? Шла бы настройку — ведь рядом. Люди знаешь как там нужны!

— Чего это я пойду? — произнесла, обидевшись, Анютка. — От свово дома-то? Я мужья жена. У нас хозяйство.

— Хозяйство! — передразнил Василий. — Так вот тут век и будете киснуть... А там гляди, что народ делает. Сколько женщин работает, таких вон, как ты...

На этот раз передразнила Аньютя:

— Женщин!.. Знаем мы это. Одно баловство.

Она помолчала, потом спросила:

— А ты сам чего же на стройке делаешь?

— Да разное, — смутился Василий. — Вот завтра в Москву посылают, строительство обеспечить, — солидно кашлянул он. — Дениса с собой возьму! — Он кивнул на спящего Дениса. — Так что дел много.

Глаза их встретились, и Аньютя быстро отвела взгляд.

— Ну ладно, туши да спи, — строго сказала она.

Повернулась и пошла за полог.

* * *

Булыжная Каланчевская площадь. Толпа пассажиров высадилась с поезда, и на площади суматоха, шум, крики папироcников, продающих «Яву-рассыпную», милицейские свистки, вопли извозчиков.

У трамвайной остановки — море людей. Трамвайчики — маленькие, одновагонные — задыхаются от пассажиров; люди висят на подножках, на буферах.

На остановке в ожидании трамвая Александр Васильевич Зимний передает Василию и Денису ордера на всевозможные материалы для стройки.

— Это на скобяные изделия... Это на гвозди... Это на мел... — говорит он. — Получайте и нынче же обратно в Загору.

Подходит трамвай. Он переполнен, кажется

ся, что никому уже больше не удастся втиснуться. Но люди все же втискиваются. Втискивается и Зимний. Трамвай трогается. Зимний, повиснув на подножке, уцепившись одной рукой за поручни, а другой придерживая фуршетку, кричит:

— Если что заест — буду в Главэнерго на Мясницкой, а потом на совещании в Кремле.

И трамвай, позванивая, увозит начальника стройки, висящего на ступеньках.

* * *

И вот Василий в сопровождении Дениса всходит по мраморной лестнице с мраморными стенами, оклеенными газетами и объявлениями. Это некогда шикарный барский особняк. Ныне здесь учреждение, ведающее производством и распределением строительных материалов. И все тут — в том числе и зимний сад, куда вошли Василий и Денис и где еще стоят пальмы и даже рояль розового дерева, но уже стучат машинки и виден плакатик «Рукопожатия отменяются», — являет собой странный и живописный гибрид ушедшего барства и советского учреждения.

Заведующий перебирает ордера, которые ему вручает Василий.

— Вот это все можете получить... А гвоздей сейчас нет.

— Как это? А нам аккурат главное — гвозди нужны.

— Что поделаешь? Гвоздей нет. Попробуйте на Варварке.

* * *

И наплытом мы видим Василия и Дениса в разных учреждениях.

Но, где бы ни помещались эти учреждения — в былом ресторане, в бывшей молочной Чичкина, даже в часовне, — нигде гвоздей нет.

* * *

Вечереет. Василий у телефона.

— Главэнерго?.. Товарища Зимнего мне. Александра Васильевича.

Сотрудник Главэнерго:

— Нет его. Он в Кремле.

Василий кладет трубку телефона на рычаг и делает энергичный жест, адресуясь к Денису: идем, мол, за мной.

* * *

У ворот Кремля караульная будка. Часовой с винтовкой, на штык которой нанизано множество пропусков. Подходят Василий и Денис.

Василий (*часовому*). Слышь, друг. Нам пройти нужно.

Часовой. Пропуск есть?

Василий. Был бы, тут и разговору бы не было.

Часовой. А нет — значит, не пройдет.

Денис (*просительно и торопливо*). Начальник наш тут... Зимний фамилия... Может, слыхали?

Часовой. А нам что зимний, что летний... Пропусков нет? Отходи!

Василий (*терпеливо, стараясь сдержать раздражение*). Ты не спеши. Ты послушай. Из Загоры мы... Слыхал небось про Загору? (*Часовой утвердительно кивает головой*) Большущую станцию электрическую там строим. А станции материалы нужны. Вот затем мы сюда и идем. Понял?

Караульный согласно покачивает головой в такт словам Василия. И Василий радостно говорит Денису, кивнув на ворота:

— Идем, Денис.

Делают несколько шагов по направлению к воротам.

Часовой (*преграждая путь*). Стой!

Василий. Что такое?

Часовой. Предъяви пропуск!

Василий в досаде отходит, садится на тротуар. Теперь вступает в разговор с часовым Денис.

— Давай так, браток... Горе у нас — гвоздей на станции нет. Прямо зарез...

Часовой (*презрительно*). Какие тебе тут гвозди? Это Кремль, правительство. Сюда, садовая голова, только по государственным делам ходят.

Денис. А у нас какие же? Ведь не мне гвозди нужны. Народу.

Часовой (*настойчиво*). Пропуск давай.

Василий аж вскочил с тротуара. Плюнул в гневе.

— Тыфу!.. Что ты, кукла, наладил! Что мы — жулики тебе, что ли? Земля горит,

стройка встанет, а ты здесь стоишь как неживой!! — Со страстной укоризной. — Нынче мы с тобой тут, а завтра вместе будем кровь проливать. Что же мы мировую-то революцию по пропускам будем делать?! Сознание надо иметь! — Направляется к воротам. — Идем, Денис.

Часовой. Стой! Назад!

Василий и Денис отошли. Сели на тротуар. Но Василий не смог усидеть. Снова встал. Подошел к часовому, сказал сердечно, уже без злобы, с открытой душой:

— Слушай, друг. Мы только нынче с Загоры приехали. С рассвету бегаем за гвоздями, не присели еще, не жрамши. (*Часовой внимательно слушал и кивал головой.*) И все без толку... А там народ день и ночь работает, разутый, голодный, — только чтобы скорей станцию выстроить, чтобы фабрики для фронта работали... Не привезем сегодня гвоздей — встанет стройка. А начальник наш тут. Ну, теперь понял все? Пошли, Денис!

В третий раз они направились к воротам.

Часовой. Стой! (*Толкнул Василия прикладом.*) И уходи вовсе отсюда.

Василий (*вспыхнув*). Не уйду!

Часовой (*вскидывает винтовку*). Уходи, говорят!

Василий. Не уйду!

Часовой (*делает затвором винтовки движение*). Стрелять буду!

Василий (*в ярости*). На, стреляй, мать твою незаматать! Стреляй!

Подходит человек в кожанке — работник управления делами Совнаркома.

Изумленно спрашивает:

— Что тут такое?

И сразу Денис и Василий начинают наперебой говорить:

— Из Загоры мы...

— У нас поручение.

— Начальник наш тут... заседает.

Человек в кожанке. Из Загоры? Это какой же начальник? Не Зимний ли? Пройдемте со мной. (*Часовому.*) Пропустите.

Часовой (*с облегчением*). Вот это дело другое. (*Василию, передразнивая.*) Поручение!.. У меня тоже, брат, поручение.

Василий проходит с человеком в кожанке. Денис на минутку задерживается, кладет в угол дорожный заплечный мешок и говорит часовому:

— А ты посторожь, милок, коль при тебе винтовка.

* * *

И вот все трое в приемной председателя Совнаркома. Человек в кожанке говорит пожилой женщине, сидящей за столом.

— Лидия Николаевна, здесь на совещании должен быть товарищ Зимний.

— Он тут.

— К нему товарищи из Загоры.

— Посидите, товарищи, — говорит Лидия Николаевна. — Как только перерыв — тут же вызову.

Денис и Василий садятся. Робко огляды-

ваются. Обстановка самая обыкновенная, много телефонов. Стучат большие стенные часы.

Наплывом те же часы, но прошел уже час. Денис спит, прикорнув к мягкой спинке кресла; видно, что ему на редкость удобно и хорошо. Василий бодрствует, нервничает, нетерпеливо поглядывает на стенные часы.

Зазвонил звонок — Лидию Николаевну вызывали в кабинет. Она встала и ушла, оставив дверь приоткрытой. Василий поднялся, подошел к дверям. Оттуда доносились неясные голоса. Василий чуть пошире приоткрыл двери, заглянул. А потом осторожно, стараясь не шуметь, вошел.

* * *

В кабинете было очень много народа. Никто не заметил Василия, потому что в момент, когда он вошел, все глаза были обращены к седому человеку, стоявшему около огромной карты РСФСР.

Подтянутый, строгий, в крахмальном воротничке, столь необычном среди гимнастерок и косовороток, он держал в руке деревянную указку.

Это было совещание по плану электрификации страны, по строительству электростанций, по тому самому плану, который спустя некоторое время получил наименование плана ГОЭЛРО.

Когда Василий вошел, седой человек в крахмальном воротничке говорил:

— Задача не только в том, чтобы построить

тридцать или, скажем, пятьдесят электрических станций... Задача в том, чтобы создать систему электрических станций по единому плану, охватывающему всю страну. Опираясь на эту систему, мы архимедовым рычагом поднимем все заводы и фабрики, транспорт, шахты, деревню, повернем всю Россию по-новому...

Василий остановился в дверях, вслушиваясь в слова седого человека.

— Вот наметки этой единой системы. Первым делом Донецкий бассейн, — продолжал тот. — Здесь будут построены две электрические станции. Станция номер один — Штеровка, место крупных залежей антрацита. — Он коснулся своей указкой кружка на карте под номером один. — Станция номер два — Лисичанская. Она обслужит район, богатый длиннопламенными углеми и каменной солью. Номер третий — Днепропетровская, возле города Александровска... — Указка его коснулась кружка в том самом месте, где впоследствии был сооружен Днепрогэс.

Василий стоял, забыв обо всем, глядя на карту как завороженный.

— Но об этой станции, — сказал седой человек, — которая проектируется в двести тысяч киловатт, следует поговорить особо.

Он отошел в противоположный угол кабинета, где отдельно висела карта Днепровских порогов.

Все головы повернулись за ним, и в поле зрения присутствующих, в том числе и Зимнего, попал Василий.

Зимний так и ахнул. Быстро приблизился к Василию. Испуганным шепотом спросил:

— Ты зачем здесь?

Василий опомнился и смешался.

— Вас ищем, товарищ Зимний, — тихо сказал он. — Все получили, а гвоздей нет.

— Иди, иди, я скоро выйду, — заторопил Зимний и стал подталкивать его к дверям.

В этот момент прозвучал суровый и резкий голос:

— В чем там дело?

— Это ко мне, из Загоры, — проговорил быстро Зимний. — Простите, Владимир Ильич.

Василий в изумлении оглянулся. За столом председателя сидел Ленин.

Ленин переспросил:

— Из Загоры? А что случилось?

— Да со снабжением тут... — сказал торопливо Зимний. — Добыть кое-чего не можем.

— Что же именно? — обратился Ленин к Василию.

— Беда, Владимир Ильич! — ответил Василий открыто, тревожно и выжидательно глядя на Ленина. — Гвоздей нет. А у меня на складу что ни день, то шум: «Гвозди давай!»

Теперь уже и докладчик и все присутствующие слушали этот разговор.

— На Солянку надо, в Металлоснаб, — подсказал кто-то.

— Был! — досадливо отмахнулся Василий. — И на Солянке, и на Мясницкой, и на Варварке. Нигде нету!

— А к Соколовскому заходил? На Смоленский бульвар?

— Вот это верно, — подхватил Ленин.

Василий растерянно развел руками, как бы извиняясь за свою оплошность, крякнул, повернулся и пошел к выходу.

— Постойте, товарищ, — окликнул его Ленин.

Василий остановился.

— Сейчас мы проверим, есть ли там гвозди, — сказал Ленин, поднимая трубку.

И, пока он глядел в телефонный указатель, лежавший под стеклом на столе, и называл телефонистке номер, Василий, окончательно растерявшись, извиняющимся тоном говорил, обращаясь ко всем и утирая фуражкой пот с лица:

— Все достал, а гвоздей нигде нет... Хоть тресни!

— Товарищ Соколовский?.. — спросил в трубку Владимир Ильич. — Здравствуйте. Говорит Ленин. Товарищ Соколовский, нам для Загоры гвозди нужны... Нет? — Ленин огорченно и озабоченно посмотрел на Василия и покачал головой. — Очень, очень нужны, товарищ Соколовский... Ничего нет? Чрезвычайно нужны!.. Совсем нет?.. Думаете, у Вацетиса? Хорошо, позвоним Вацетису.

И, сверившись с телефонным списком, назвал другой номер.

— Товарищ Вацетис?.. Здравствуйте. Ленин. Гвозди есть у вас?

Вацетис, видимо, что-то объяснял, пото-

му что Ленин некоторое время молча слушал. Василий горячо зашептал:

— Владимир Ильич, скажите, что мы ему заместо гвоздей можем олифу дать. На олифу сменять.

И, обратившись ко всем, он, поясняя, уже веселее добавил:

— Олифы у нас — завались!

— На олифу можем сменять, — повторил в телефонную трубку Ленин. — Да ведь Загора — это тоже дело важнейшее, государственное! — в гневе воскликнул он, видимо, отвечая на какую-то реплику. — Значит, все-таки есть?! — радостно переспросил он. — Вот видите — поднажал, и нашел гвозди! — с упреком добавил он.

— Нам бы еще топоров бы... а? Топоров... — зашептал Ленину Василий, но Зимний дернул его за рукав, и он смолк.

— Зайдет к вам, — сказал в трубку Ленин, — зайдет к вам товарищ... Как фамилия?

— Губанов.

— Товарищ Губанов. Так вы уж с ним поладьте.

Ленин положил трубку, оживленно улыбаясь, провел ладонью по голове. Сказал Василию, прищурившись:

— А насчет топоров — поднажмите на него сами. Он поддается.

И обратился к докладчику:

— Какой номер Загоры по вашему плану, Юрий Максимович?

— Шестнадцатый.

— Да-да! — сказал Ленин, кивнув на карту докладчика. — Номер первый, второй, третий — это еще все-таки планы, а шестнадцатый — вот он! Уже живет, уже гвозди просит! — с глубокой нежностью проговорил он. — Как у вас с продовольствием? — спросил он Василия.

Денис между тем по-прежнему дремал в приемной. Звонили телефоны, говорил секретарь, но Денис ничего не слышал. Вот он клюнул носом, очнулся, испуганно огляделся. Стеснительно сказал Лидии Николаевне:

— Виноват... Не хралел я тут?

— Нет, — улыбаясь, сказала Лидия Николаевна.

— Притомился я за войну, хозяйка. Все спать хочется.

Вбежал сияющий Василий.

— Денис! Кричи, брат, ура! Есть гвозди!.. Ленин достал.

— Тише, товарищ, — остановила его Лидия Николаевна.

Василий горячо зашептал:

— Слыши! Тебе за продовольствием ехать.

— Куда? — спросил потрясенный Денис.

— На юг. Сейчас мандат вылишут.

— Царица небесная!

...А в зале продолжалось совещание. Седой человек говорил:

— И если использовать силу падения воды на Днепровских порогах, то можно создать тут не только гидроэлектростанцию невиданной мощности, но и сделать весь Днепр судоходным...

* * *

В Загоре, в поселке на Черном озере, возле материального склада шла разгрузка товаров, их привез из Москвы Василий. Василий в запарке бегал, распоряжался.

* * *

Вечером, усталый, он пришел в избу Федора. Здесь никого из мужчин не было. В углу избы стирала Анюта.

При входе Василия она выпрямилась. Оправила поспешно рукой волосы и юбку.

— Здравствуйте, — вежливо приветствовал ее Василий. И, оглядевшись, спросил: — А где народ?

— Народу нет. Хозяин уехал.

— Вот те да! Далеко?

— За мукой... А может, и сало привезет...

— Ловко! А остальные где?

— Остальным отказал.

— Чего это?

— Чтоб не ночевали здесь без него, — сказала она потупившись.

Они помолчали.

— А ты что же это? — сказала она, не поднимая глаз. — Куда пропал? Вроде съехал от нас, а вещи тут...

— Да не съезжал я... Дела... Только нынче пригнал из Москвы эшелон, выгрузился и — сюда!..

Он отрезал ломоть хлеба, посолил. Спросил — может, серьезно, а может, и шутя:

— Вспоминала ты обо мне?

— Как же! — сказала она усмехнувшись. — Больно надо! О каждом вспоминать! — Она опять принялась за стирку.

— А я вот помнил. Подарки привез. Федору твоему табак, — он извлек из мешка пачку махорки, — а тебе вот шарфик.

Он вынул пестрый лоскуток, раскрыл его. Она подошла и стала рассматривать шарф с восхищением и ребяческим любопытством. Они стояли теперь совсем рядом.

— Да ты надень, примерь — сказал он.

Она вытерла об юбку мокрые руки и легко и быстро накинула на голову шарф, посмотрелась в зеркало, поправила волосы, еще раз посмотрелась, поворачивая голову то влево, то вправо. Засмеялась, сорвала шарф, побежала за полог и вернулась уже без шарфа.

— Покормить тебя? — оживленно произнесла она.

— Не надо. У меня хлеб есть. Где мой сундук?

— Под лавкой.

Он вытащил сундучок из-под лавки, раскрыл его, стал перебирать свои нехитрые вещи. Она приблизилась, заглянула из-за его плеча.

На крышке сундучка было приkleено несколько фронтовых фотографий, а также довольно большая фотокарточка девушки.

— Жена, что ли? — спросила Анюта.

— Нет.

— Невеста?

— Да, вроде невеста.

Она посмотрела на карточку, пока он перебирал вещи. Потом спросила:

— Любит она тебя?

Он усмехнулся.

— Целовалась... пока жизнь гладко шла. А ушел на фронт — и писать забыла. Разве это любовь?

— Значит, не стоил! — лукаво откликнулась она.

— Может, и так... — согласился Василий.— Любовь — штука хитрая...

Он помолчал, видимо, соображая, что еще можно сказать о любви, покачал головой.

— Сильная штука!..

И мельком взглянул на нее. Глаза ее сразу метнулись в сторону. И словно что-то внезапное, странное, едва ощутимое пробежало по комнате и бросило неясную тень на их лица. Анюта потупилась. Потом вдруг быстро ушла за полог и села на кровать.

— Ты что? — позвал он.

Она молчала.

— Анюта!

Она молчала.

Он сделал шаг — не в сторону полога, а к сундучку. Но скрипнула половица. Анюте показалось, что он направляется к пологу, и она вскочила.

— Уходи! — сказала она.

— То есть как это?

— Не велел Федор тут быть. Уходи.

— Ну, коли не велел, значит, не велел, — сказал, помолчав, Василий и стал укладывать сундучок.

В этот момент раздались шаги, вошел Степан. Увидев Василия, он несколько смешался.

— А, с комприветом! — сказал он.

— Ты чего? — спросила его, появляясь из-за полога, Анюта.

— Полотенец забыл.

— Какой полотенец? А где же? — растерянно сказала Анюта. — Нету тут твоего полотенца.

— Ну нет — значит, так посидим, — развязно сказал Степан.

Он сел, наступило молчание. Анюта, встаг на табуретку, стала натягивать веревку для белья. Степан молча, жадно, не отрываясь, следил за ее голыми икрами.

— Прибыл, значит? — спросил он, переводя глаза на Василия.

— Прибыл.

— А где жить собираешься?

— Тебе-то какая забота?

— А такая забота, что нельзя тебе здесь.

Федька не приказал.

— А ты зачем тут?

— Слыхал, полотенец ищу. — Он снова долго смотрел на крепкие икры Анюты. Потом опять перевел взгляд на Василия. — Ну ладно, — он вынул из кармана колоду карт, перетасовал. — Давай на судьбу. Пусть карта скажет... Иди тащи! — обратился он к Анюте. — Чур моя черная.

— Чего это? — Она удивленно смотрела на него.

— Тащи, тащи. — Он подмигнул Василию. Анюта потянулась к колоде, недоуменно

глядя на Василия. Василий поднялся.

— Ступай отсюда! — сказал он Степану.

— Это еще почему?

— Слыхал, что сказано! — Василий сделал шаг по направлению к Степану.

— Ты комиссарить-то брось! — крикнул тот. — Видали начальство, рак те заешь!

— Уходи, говорю!

Анютка, обомлев, следила за этим диалогом. Степан обвел глазами их обоих.

— Ага! — сказал он. — Понятно! Вот оно, зачем мировая революция-то понадобилась. Вот он, Маркс-то где! Ладно, валяй, я не гордый. Я и вторым могу.

Василий с силой ударил его по лицу. Степан закричал, утирая ладонями кровь.

— Ну, ты! Руки держи при себе! Чего пристал?

Василий снова бросился на него. Степан метнулся к двери, продолжая кричать:

— Сволочь! Подумаешь, галифе надел!.. Еще посмотрим, у кого они будут пошире!

Выскочил за дверь. Василий, тяжело дыша, сел на скамью. Анютка стояла бледная как полотно. Потом ушла за полог.

Василий поднялся, подошел к сундучку, закрыл крышку, защелкнул замок. Взял мешок, долго завязывал узел. Взвалил мешок на спину, пошел к дверям. Остановился.

— Прощай, — сказал он.

Она не ответила.

— Запри за мной дверь, — сказал он.

Она опять ничего не ответила. Василий постоял, постоял, поднял сундучок и вышел.

* * *

Базар в каком-то городе, вроде Курска. Продают все, что душе угодно: повидло, узконосые модные ботинки, пшенную кашу, страусовые перья, мыло, мужские цилиндры, селедки, часы, пистолеты, будуарные статуэтки, ржаной хлеб и т. д. Крик стоит такой, что ничего нельзя разобрать. Все время слышна стрельба из винтовок и пулеметов, подчас приближающаяся, подчас удаляющаяся.

Среди базара мы видим осатанелого от торговых дел Федора. За спиной его огромный, тяжелый мешок выменянных продуктов, в руке кусок оставшейся сарпинки. Пот льет градом, он орет:

— Сарпинка! Сарпинка! Последний остаток. А ну, давай, налетай!

Недалекий разрыв снаряда. Все падают, падает и Федор с мешком за плечами и с кукском сарпинки в руках.

Он поднимается вместе со всем базаром и тут же продолжает кричать:

— А вот сарпинка! Вот она!

Подходит какой-то гражданин.

— Что за сарпинка?

— Вроде ситцу... Но лучше... Сам делал...

— Дрянь!.. — говорит покупатель, пощупав сарпинку.

— Избави бог, гражданин. Как может быть дрянь? Что я, в бога не верую? Крепка! Вот попробуй.

Он берет на зуб сарпинку и притворно рвет ее, мотая головой, словно конь. Гражданин тоже берет на зуб и тоже мотает головой.

— Слаба!

— Она-то? Да господи ж! Хоть пинжак шей!

Разрыв снаряда. Базар падает наземь. Кто то орет: «Братцы, белые на Садовой!» Начинается бегство с базара. Остаются на базаре немногие — самые стойкие и решительные, для которых все нипочем, кроме торговли.

Среди них Федор. Едва поднявшись, он бросается на поиски исчезнувшего покупателя, с которым он почти договорился:

— Эй, гражданин! Да где же ты? Господин хороший! Куда ты делся, матери твоей черт!.. Парень, не видал такого длинного, морда, как у собаки?..

— Что это у тебя? — подошел новый покупатель.

Опять, уже совсем близко, бухнул снаряд. И уже весь базар побежал по направлению к недалекой железнодорожной станции. Бежал и Федор. Бежал он (из-за тяжелого груза) плохо, спотыкался, рядом с ним бежал новый покупатель. И на бегу продолжалась торговля.

— Два фунта сала.

— Четыре.

— Три, черт с тобой!

— Подбрось половинку-то!

— Три!

Где-то близко заработали пулеметы.

— Бери, паралик! — крикнул Федор. — От, сатана, разорил, — на бегу бормотал он. — Хоть с голоду помирай, да и только!

Покупатель на бегу вынул из мешка кусок

сала. Федор на бегу прикинул на ладони его вес.

— Обмишурил, собака, — сказал он беззлобно, потому что, несмотря на клятвы и вопли свои, выгодно продал сарпинку.

Удалили пулеметы. И Федор с мешком за плечами устремился к железнодорожным путям. Нырнул под вагон, снова вынырнул, снова нырнул и, так как где-то рядом был пулемет, стал карабкаться на площадку одного из вагонов какого-то товарного поезда, который в этот момент отходил.

Поезд убыстрял ход, выстрелы стали утихать, станция осталась далеко позади.

...Когда поезд подошел к следующей станции и остановился, дверь одного из товарных вагонов тихонько приотворилась, из нееглянул Денис. Увидев, что где-то здесь можно разжиться кипятком, он вернулся в вагон за чайником. Тут мы увидели, что вагон набит мешками с продовольствием: сахаром, крупой, мукой, маслом, сухарями. Денис взял чайник, спрыгнул на землю да вдруг так и обмер: на площадке вагона сидел Федор.

Федор тоже увидел его. Некоторое время они ошалело смотрели друг на друга, не веря своим глазам.

— Погоди... Никак Федор... Ты, што ль?..

— Аль Денис?.. Господи боже мой... Он и есть!

Они долго радостно обнимались.

— Ты, брат, откуда? — спрашивал Денис.

— Да вот за харчами ездил... Сарпинку

менял. Ух, брат ты мой, и умучился, не приведи бог! Зато еды теперь Анютке моей на всю зиму хватит. А ты чего тут?

— Конвоиром... Вагоны сопровождаю.

— Какие вагоны?

Денис кивнул на вагоны.

— А что в них? — спросил Федор.

Денис подумал, посмотрел на него и сказал уклончиво:

— Да разное тут... Для Загоры.

Федор недоверчиво скосил на него глаза.

— А где обмотки твои?

Действительно, Денис был без обмоток и шапки.

— Проелся. На хлеб выменял. И шапку тоже.

— Да, худо, брат. — Федор соболезнующе покачал головой.

— Зато теперь вон как обернулось! — оживленно заметил Денис. — Тебя встрел. А то совсем с голодухи было подох.

— Да, это уж верно... Хорошо, что встрел.

Поезд тронулся. Оба влезли на площадку.

— Слыхал, говорят, белые близко, — сказал Денис.

— Что — говорят! Я сам видел.

— Ох, мать честная, — сокрушенno прошептил Денис, — все прут и прут...

Федор махнул рукой и стал разворачивать мешок с едой. У Дениса набежала слюна.

— Ну, давай, — сказал он. — Что там у тебя?

— Все есть. Запасся. Мучица есть. Крупу взял, сахар. Есть сальце.

Федор вынул аппетитный кусок сала и стал нарезать его на маленькие прозрачные куски.

— Давно, грешник, сальца не ел, — сказал Денис, глотая слюну. — И хлебушка дашь?

— Можно и хлебушка.

Денис протянул руку. Федор отодвинул сало и хлеб.

— Э, брат, постой... А как мы сладим с тобой?

— Как это — сладим?

— Милай, это все денежки стоит.

— Да у меня ж ничего нет, — пробормотал ошеломленный Денис.

— Ну, а как же, милок, задарма-то! — спокойно сказал Федор, жуя хлеб с салом. — Войди в мое положение.

Денис отвернулся. Некоторое время они ехали молча. Постукивали колеса, пролетали пустые поля, леса, хаты с соломенными крышами. Федор ел с большим аппетитом и поглядывал на солдатские ботинки Дениса. Потом спросил:

— А щиблеты у тебя как? Проходились?

— Да вроде бы крепкие, — без особого интереса ответил тот, оглядывая свои ботинки. — Почему проходились? Года еще не ношу.

— С виду поболе носишь, — возразил Федор. — Ладно, скидай, дам за них сала. Согласен?

Денис подумал-подумал, покосился на сало, вздохнул и стал разуваться.

Федор взял в руки ботинки, критически оглядел их, постукал согнутым пальцем по

подошве, отставил в сторону. Не спеша отрезал кусок сала, протянул его Денису вместе с хлебом. Добродушно сказал:

— Ешь на здоровье, Христос с тобой... Ты не серчай. Я ведь тоже ее, салу-то, из-под пули брал. Стреляют, матери их черт! Везде фронты. С Ростова жмут, с Волги жмут, с-под Питера жмут. Горе!

— ТАК ЕХАЛИ ЭТИ ДВА ПРИЯТЕЛЯ ОБРАТНО ДОМОЙ НА СЕВЕР, — СЛЫШИМ МЫ ГОЛОС ПОВЕСТ-ВОВАТЕЛЯ. — С ОДНИМ ИЗ НИХ — ФЕДОРОМ — МНЕ ТАК И НЕ ДОВЕЛОСЬ НИ РАЗУ В ЖИЗНИ ПОГОВОРИТЬ. А ДЕНИСА Я ЗНАЛ ХОРОШО. ОН ЛЮБИЛ РАССКАЗЫВАТЬ О ТЕХ УДИВИТЕЛЬНЫХ ДНЯХ.

ТРЕВОЖНОЕ, БУИНОЕ ВРЕМЯ! БЕЛЫЕ НАСТУПАЛИ СО ВСЕХ СТОРОН, РЕСПУБЛИКА ЗАДЫХАЛАСЬ. БЫЛ ИЗДАН ПРИКАЗ О ВСЕОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ. МИЛЛИОНЫ РАБОЧИХ И БЕДНЕЙШИХ КРЕСТЬЯН УХОДИЛИ НА ФРОНТ. ФРОНТОВ БЫЛО СТОЛЬКО, ЧТО ТРУДНО ИХ ПЕРЕЧИСЛИТЬ. Но ТЕХ, КТО ШЕЛ ВОЕВАТЬ С ВРАГОМ, ПЕРЕЧИСЛИТЬ БЫЛО ЕЩЕ ТРУДНЕЕ.

Мы видим огромную привокзальную площадь, заполненную мобилизованными. Слышим оратора, который выкрикивает слова простуженным, надорванным голосом — много раз за эти дни и ночи говорит он свою речь:

— Товарищи! Великие испытания выпали на долю рабочего класса... Враги пролетариата... Отравленные когти...

И вот уже, сменяя друг друга, перед нами другие ораторы перед другими мобилизованными — в цехах, на перронах вокзалов, на сельских площадях.

шли воевать и загорцы

По улице поселка на Черном озере мимо выросших за это время бараков, домов, лавок, Народного дома, мимо будущего здания электростанции, кирпичная коробка которой уже поднялась над тем местом, где ранее рыли котлован, идет колонна мобилизованных на фронт рабочих. Далеко разносится боевая революционная песня:

Не согнет нас беда и не сломит нужда,
Даже пушки не властны над нами!
Никогда, никогда, никогда, никогда
Коммунары не станут рабами.

А в кабинете строительства, которая помещалась уже не в избе, а в специально отстроенном помещении, гневно вышагивал Василий.

— Это что же вы делаете?! — кричал он, обращаясь к Хромченко. — Разве так делают? Ленин на фронт народ подымает, а я на складе сижу. Это что, по-партийному? Ну ладно, нога болела, а сейчас что?..

— Не можем тебя отпустить, товарищ Губанов. Вот я ведь сижу здесь.

— Да чего вы себя равняете?! Вы, простите меня, старик. А я?.. Совестно мне, понимаете, совестно! Перед бабами и то совестно!..

— Ну, коли так, — сам ты баба! — разъярился маленький Хромченко. — Тебя партия хозяйствовать поставила, понятно тебе. Не я, а партия. Значит, все! Значит, надо этому делу учиться, не век будем воевать. Ну вот, возьми. — Он бросил Василию какую-то книжку.

— Что это?

— Учебник. Учись счетные книги вести.

— Да что вы, шутки строите надо мной! — рявкнул Василий. — Вот навязался на мою голову этот склад!! Всю жизнь споганил!

Он швырнулся книжку в угол и вышел, хлопнув дверью.

...А колонна мобилизованных шла мимо села Теребеевки. Жители высипали на улицу, стояли у ворот и калиток. Бабы утирали слезы, иные выли по древнему обычанию. Некоторые выносили уходящим хлеб, лук, воду.

Боевая песня продолжала греметь:

Будем драться мы все без покоя и сна,
Знамя красное вьется над нами.
Никогда, никогда, никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!..

В толпе стояла Аньота и глядела на уходящих, словно искала кого-то. Вот она увидала в колонне Степана. Он тоже увидел ее.

— Эй, мужья жена! — закричал он во все горло, заглушая песню. — Чего глаза пялишь? Ваську ищешь? Не бойсь, тут его не найдешь. Васька твой в складу окопался!

Песня спуталась. Все начали искать глазами ту, к которой обращался Степан.

— Вон, вон она! — кричал Степан. — Она, зараза, с кладовщиком спит. Возле масла. Гляди, ребята!

Аньота стояла ни жива ни мертвa, не зная, куда деваться.

— Что ты?.. Христос с тобой! — глухо выкрикнула она.

— Христос, он всегда со мной! А с тобой кто, складская задвижка?!

Зашелестел смех. Смеялись и уходящие и провожающие. Женщины — односельчанки Аньоты — с ужасом и любопытством глядели на нее.

Аньота вдруг судорожно всхлипнула и побежала. Народ расступался перед ней, и она бежала, как по просеке. А издали доносился голос Степана:

— Что? Убегла? Айда за ней, братцы. Всем воюющим фронтом! Она никому не откажет.

— Будя ломаться-то, — сурово сказал Степану шедший сзади рабочий.

— А тебе чего? — вскинулся на него Степан.

— Хватит, тебе говорят! — сказал другой рабочий и толкнул Степана кулаком в затылок.

Колонна шла мерным шагом, все дальше и дальше, пока не скрылась в клубах поднятой ею пыли.

ПОСЛЕ ТАКОГО ПОЗОРА, — ГОВОРЯТ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ, — АНЬОТА НЕ МОГЛА ОСТАВАТЬСЯ В СЕЛЕ. ОНА РЕШИЛА УЙТИ. У НЕЕ НЕ БЫЛО НИ РОДНЫХ, НИ ЗНАКОМЫХ. И ОНА РЕШИЛА УЙТИ НА СТРОЙКУ.

* * *

В одно прекрасное утро Василий, как всегда, отпускал материал на складе. Очередь приехавших с разных участков стройки была по обыкновению большая. Василий отпустил кому-то кровельное железо, получил расписку на наряде, крикнул:

— Следующий!

В склад вошли мужичонка и женщина. Это была Анюта в рабочей измазанной спецовке. Василий замер, изумленный до крайности: меньше всего он ожидал увидеть здесь, на стройке, Анюю.

Увидев Василия, она повернула к выходу.

— Анюта! — крикнул Василий. — Куда ты? Она остановилась. Он подошел.

— Ты как тут? — спросил он.

Она, глядя куда-то в сторону — на бочки с олифой, а может, на связки лопат, — сухо передразнила:

— Как!.. Работаю. И живу тут... Вот наряд на известку.

— Где работаешь-то?.. Аниюта?.. — Она стояла перед ним строгая, хмуря брови, такая по-девичьи тонкая в своей спецовке и тяжелых мужских ботинках на деревянной подошве.

— На стройке, где ж? — грубо отрезала она. — Ну что, отпускать будешь или так будем стоять? — с недоброй усмешкой добавила она.

— Сейчас, сейчас, — залепетал он, глядя в наряд и ничего не видя.

Стал таскать мешки.

— Это ты молодец, что на стройку пришла, — сказал он, свалив мешок на весы. — И я тебе советовал, помнишь?

Она сердито метнула на него глазами и ничего не ответила.

Он снова полез за мешками.

— Как же ты хозяйство решила оста-

вить? — спросил он, стараясь изо всех сил побороть неловкость. — А говорила — дом...

Снова она на миг зло посмотрела на него.

— Ну что, интересно тебе тут у нас? — заторопился он.

— Какой тут может быть интерес? — небрежно откликнулась Аниюта. — Работа и работа... Мешки складские дашь или как? — деловито и холодно добавила она.

— Свои дам — складские.

Мужичонка стал выносить из склада мешки.

Аниюта двинулась за ним.

— Постой, Аниюта! — поспешил окликнуть ее Василий.

Она остановилась с холодным, небрежным видом.

— Живешь-то где?

— Где! В бараке!

— В каком?

— В каком! В обыкновенном.

— Далече отсюда?

— Тебе-то что?

— Ну как же... Мы с тобой вроде знакомы.

— Какое еще знакомство! — скав губы, сказала Аниюта. — Ни к чему это! Все отпустил?

— Все... Распишись.

— Я неграмотная.

— Нехорошо, — сказал ласково Василий. — Надо это дело ликвидировать. Учиться, Аниюта, надо, не век будем воевать, — повторил он слова Хромченко. — Ставь крест.

Она послюнила карандаш, примерилась,

еще раз послюнила и аккуратно поставила на наряде крест. Сухо проговорила:

— Можно идти?

— Можно... Как Федор? Приехал?

Ничего не ответив, она ушла, даже не посмотрев в его сторону.

* * *

Небольшая железнодорожная станция в средней России. Подходит санитарный поезд, идущий к Москве. На вагонах красные кресты, а на площадках — вооруженные красноармейцы, охраняющие вагоны от непрошенных пассажиров, осаждающих поезд на каждой остановке. Вот и сейчас красноармейцы отбивают бурный наплыв толпы.

Начальника станции, проходящего по путям, атакует другая толпа — уполномоченные и чрезвычайные уполномоченные, требующие, просящие, умоляющие о прицепке к поезду вагонов, которые они сопровождают.

Первый (*интеллигент*). Товарищ начальник. Вот уже неделя, как я здесь сижу. Поймите, я везу лом для артиллерийских заводов. Лом! Я вас очень прошу.

Второй (*отталкивает его, тряся мандатом. Сует мандат под нос начальнику*). Ты грамотный или нет?! Гляди — мандат!!

Третий. Да погоди ты с мандатом! У меня уголь. Для Москвы уголь. Понятно? Уголь!

Среди этой толпы отчаянно крутится Денис. В его руках тоже мандат, но куда поменьше размером, чем у остальных. Он пытается прорваться к начальнику, но его от-

тирают, и он опять оказывается сзади. Опять прет вперед. При этом он все время оглядывается на свои два вагона, которые безнадежно стоят неподалеку в тупике: в сохранности ли они, не покусился ли на их неприкословенность Федор, сидящий у костерика, возле их колес.

Наконец, убедившись, что пробиться к начальнику невозможно, Денис кое-как выбирается из толпы и, по-прежнему тревожно оглядываясь на свои вагоны, догоняет сцепщика, который хлопочет возле состава. Рядом — маневровый паровозик.

— Слушай, брат! Будь человеком! Прицепи меня, — Денис кивает на вагоны, стоящие в тупике. — Продовольствие с юга везу. Народ у меня голодает.

— Чудак-человек, чего ты ко мне-то? К начальству иди.

— Да ведь не пробьюсь. Пятый день тут стою...

— А я-то что могу?

Сцепщик дает свисток паровозику, вскакивает на его подножку. Паровозик трогается.

Денис печально возвращается к своим вагонам, где Федор варит на костерике кашу, размешивая ее ложкой.

— Ну что? — спрашивает Федор.

Денис безнадежно машет рукой.

— Ни хрена ты не можешь! — гневно говорит Федор, пробуя кашу с ложки на вкус. — Квелый какой-то! И везешь, видать, требуху, что тебя нигде не цепляют. Что везешь-то? Хоть раз можешь толком сказать?

— Говорят тебе — ящики для Загоры. Понятно?

— Ящики-то — понятно, а что в ящиках — непонятно. Неужели не глянул? Нет в тебе к жизни интересу, Денис.

— Может, оно и так...

Федор опустил ложку в кашу, с наслаждением глотнул. Полез за солью. Денис глядел на котелок глазами давно не евшего человека.

— Вот смотрю я на тебя, — продолжал Федор, соля кашу, — и чего тебя по дорогам носит? Что ты тут трешься? Землю ты получил. Ехал бы домой, пахал бы да сеял.

— Сейчас нельзя, — мотнул головой Денис. — Как тут уедешь? Гляди, что кругом. Этак один уедет, другой уедет, глядь, революцию-то и зашибут.

Федор попробовал, достаточно ли солона каша.

— Да, — задумчиво произнес он. — Могёт быть... А помещик вернется, он тогда... Да... Это ты верно. Без революции нам тоже, брат, этого... Не того... Тоже нельзя.

Он опустил ложку в кашу, поднес ее к рту, затем вторую ложку, третью. Каша дымилась, от нее шел аромат неизъяснимой силы. Денис посидел, покосился на кашу. Потом молча сташил с себя гимнастерку, молча протянул ее Федору и молча полез за ложкой.

* * *

Стучат колеса, идет поезд. Но не тот, которым едут Денис и Федор, а другой, груженный кирпичом для Загоры.

На одной из платформ на кирпичах лежит Василий, курит цигарку и читает, держа перед собой учебник счетоводства.

— «Дебетом называется сумма, которая получается в итоге...». «...Кредитом называется сумма, которую мы получаем в итоге...».

Закрыл книжку, зажав пальцем нужную страницу, попытался повторить наизусть:

— Дебетом называется сумма, которая... которая... Тыфу, чтоб ты погибла!

Сплюнул в сердцах цигарку — она так и взвилась за поездом, — взъерошил волосы, крякнул, раскрыл книгу и снова начал зубрить:

— Дебетом называется сумма...
Засвистел паровоз, мерно стучали колеса.

* * *

...В этот вечерний час в конторе строительства горела лампа. Здесь шли занятия кружка по ликвидации неграмотности. За канцелярскими столами сидели вихрастые парни, а также несколько женщин в платочках, повязанных по самые брови. Среди них была и Анюта. Одна из девушек стояла у доски и писала: «Мы не рабы. Не бары мы...».

Это был текст из буквarya, и, когда девушка написала его, все повторили хором:

— Мы не рабы... Не бары мы...

Дверь широко распахнулась, вбежал Василий.

— Где Зимний?

— Не знаем. Дома, наверно, — ответила молодая учительница.

— А вы что здесь делаете?

— Ликбез...

— А, вот оно что! — сказал, широко улыбаясь, Василий; так улыбался он всегда, когда видел, что делается что-то хорошее, нужное.

Анютка вспыхнула при его появлении, но он не заметил ее.

— Та-ак, — сказал он. — Вот видите ли, дело какое, товарищи ликвидирующие. Привел я эшелон кирпича. Сорок платформ. Надо их сегодня в ночь выгрузить — завтра в стены класть нечего. Вы ребята сознательные. Актив. Бери каждый по бараку и подымай народ на субботник во имя революции... А ты сырь, растолкай гармонистов! — обратился он к одному из парней.

* * *

Семейный барак. Некоторые уже спят, другие готовятся ко сну. Чадит керосиновая лампа без стекла. Женщины штопают белье, стирают, кормят грудью детей и баюкают их. Мужчины чинят сапоги, что-то мастерят, налаживают. Всегдашние жалобы на паек, на не выданную кем-то справку.

Две женщины:

— Нельзя, говорит, в бараке козу держать.

— А ты бы ему: как же, мол, с детьми без козы? Сухой, мол, ты черт, а не комендант!

— Не тревожьтесь, бабоньки, — отклик-

нулся остренький мужичок. — Отменят коз — мы баб доить будем!

— Ах ты, охальник! Вот мы тебя веником, — заговорили хохоча бабы.

Вошел в барак Василий. Сказал:

— Здорово, семейные!.. Ох, и душно же у вас, братцы.

— Ничего, мы довольны, — смешливо откликнулся кто-то. — Лучше нашего воздуха не найдешь.

— Семейный! — подтвердил Василий под общий смех.

— А я хотел вас наружу, на свежий воздух позвать, — сказал он, когда смех совсем утих.

Все сразу насторожились.

— Иль снова субботник?

— Угадали. Помочь надо. Эшелон с кирпичом пришел.

Послышались резкие голоса:

— Чего еще?

— Сейчас?

— Это ночью-то?

— Субботником нагружать, субботником разгружать!.. Когда ж это кончится! — крикнула женщина.

— Рано о конце думать, тетка. Еще только начали. — Василий подошел к лежавшему на нарах Семену.

— Здорово, Семен. Давай, брат, вставай.

— Больно шустрый! — ответил Семен. — Я каменщик. Я кирпич в стены кладу, этому я ученый. А разгружать — пущай чёрнорабочие разгружают. Не мое это дело!

— Ученый! — насмешливо сказал Василий и подмигнул бараку. — Как это так — не твое? Видели ученого? Не его это дело! А как, по-твоему, Ленин ученей тебя?

— Не знаю... — хмуро сказал Семен. — Я с ним не мерился.

— Ну, я и без примерки скажу, что он не глупей, — возразил снова под общий смех Василий. — Так вот Ленин сказал, что народу теперь до всего дело. Все теперь — наше дело. И с генералами воевать. И вот электрическую станцию строить. Наше дело — вон тетке кофту купить, — он указал на женщину в рваной одежде. — Наше дело — заставить Сойкина в профсоюз взнос уплатить, — и Василий под общий хохот указал на мужика, сострившего насчет бабьего молока.

— Это — накося! — возразил Сойкин.

И опять долго смеялись. Настроение было уже веселое, легкое.

— Так как же, товарищи? — спросил Василий.

— Может, завтра все-таки? Днем-то оно посветлей, чем ночью.

— Завтра нельзя. Завтра надо этот кирпич уже в стены класть. Пошли, товарищи?

Помолчали переглядываясь.

— Ну, если уж поднял, — ответил Сойкин, не очень охотно, — так не укладываться же обратно.

И стал обуваться.

...А в это время один из ликбезовцев — паренек лет восемнадцати — уже выводил из другого барака людей на субботник.

...В тот же час в темном женском бараке стояла Анюта. Все спали. Анюта тихо позвала:

— Бабы!

Ответа не было.

— Слыши, бабоньки?

Кто-то из женщин зашевелился и сердито спросил:

— Ну чего тебе?

Анюта подошла к спрашивающей.

— Малаша, там кирпич привезли, — заговорила она торопливо. — На субботник зовут. Слыши, бабы?.. Субботник устраивают. Подсобить просят.

Сердитые голоса вразнобой:

— Кто просит-то?

— Ложись спать. У них каждый день суббота.

— Как же спать? — заговорила упрямая Анюта. — Говорю — кирпич привезли, в ночь разгрузить надо. — Она помолчала, обдумывая, что еще сказать, и добавила: — Сказывают, во имя революции.

— Какая еще тебе революция!.. Ночь, давай спи. — Малаша снова легла. Другие тоже опять накрылись дерюжками и овчинами.

— Ну, я не знаю... — беспомощно развернула руками Анюта и села на нары.

В это время раздался такой громовой стук в окно, что бабы вскочили как оглашенные. Это шла на субботник группа мужчин во главе с восемнадцатилетним пареньком-ликбезовцем. Тот, кто стучал в окно, гаркнул:

— Вставай, бабий пол! Виши, мужики на ходу!

Бойкая девка по имени Катя крикнула:

— Вам только по ночам и работать!

Засмеялись — и тут, в бараке, и там, снаружи.

— Да ну их к лешему! — сказала Малаша, не поднимаясь. — Пушай одни спину ломают.

И все женщины опять улеглись на нары.

— Бабы! — возвала Аньота и сталаходить вдоль нар, неуверенно теребя лежащих. — Фрося... Малаша... Катя... Нельзя так... Вон сколько народу пошло. А мы?..

...Свет факелов озарял мутную болотную тьму. При свете факелов, растянувшихся во всю длину эшелона, шел субботник. Иные платформы уже разгружались подошедшими людьми, другие группы людей только еще подходили. Василий распределял людей, направляя их к месту работы. Подошла Аньота с несколькими женщинами, в числе которых была и Катя.

— А нам куда?

Увидев ее, Василий радостно удивился:

— Аньота!.. И ты тут? Сколько вас? — спросил он, оглядывая небольшой бабий отряд.

— Немного... — виновато произнесла Аньота. — Больше не собралось...

— Погоди, — оживленно сказал Василий. — Куда же мне вас определить?

И он повел женщин вдоль состава, отыскивая для них вагон. Они шли по дороге, как

бы пробитой во тьме, среди неясного мерцания факелов. Разгружали торфяницы, электрики, слесари, каменщики, разгружали конторщики. Люди были утомлены после дневного труда, работали тяжело, устало. Среди других работали Зимний и Хромченко.

Василий подвел Аньоту и ее спутниц к одной из открытых платформ с кирпичом.

— Вот эту и разгружайте... Цепочкой... Становись, Аньота, за старшую.

— А сам куда? — спросила бойкая Катя.

— Как — куда? Народ идет, всех надо расставить. А что, без меня не сумеете?

— Суметь-то сумеем, да на пару теплей, — возразила, играя глазами, Катя.

Василий весело хлопнул Катю по аппетитной спине и ушел. Малаша сердито сказала:

— Бесстыжая ты! Чего липнешь?

— А что? Он мужик в самый раз, — резво ответила Катя. — А то сморшишься, вроде тебя, да так не спытается, как парни голубят.

— Будет тебе! — гневно повернулась Аньота к Кате. — Давай становись.

...Василий шел вдоль состава. Ему было видно, что люди утомлены, невеселы и работа идет не так ладно, как должна идти.

— Что ж мы не бойко? — крикнул он на весь эшелон, стараясь подбодрить людей, поднять дух. — Где гармонисты? Давай владимирскую.

Гармонист заиграл владимирскую плясовую. Под задорную музыку работа действительно пошла вроде слаженнее и веселее.

Картина трудной ночной работы, вагоны, факелы, рельсы, люди.

Негромкий голос повествователя:

— Моя мать рассказывала об этом субботнике с особым волнением — может быть, потому, что это был час, когда вдруг разом переломилась вся ее жизнь. Почти в каждой жизни есть такой день, такой час. Я хорошо запомнил этот ее рассказ, и много раз в трудный миг вставали передо мной эти факелы, эта промозглая ночь и люди, голодные, оборванные, таскающие кирпичи до утра во имя рабочего класса и мировой революции.

Брезжил рассвет, уже обозначались в бледном тумане контуры вагонов, деревьев и кустов. Отзвучали песни, погасли факелы, кое-где уже кончили работу: усталые люди брели к поселку. Возле других платформ еще кипела работа.

В этот рассветный час Анюта подошла к Василию, трудившемуся на разгрузке одного из вагонов.

— Мы разгрузили, — сказала она сдержанно, не глядя на него, как всегда. — Можно идти?

— Разгрузили? Ну молодцы!

— Значит, идти? — официально повторила она.

— Погоди, — сказал он, стараясь ее удержать. — Встань-ка сюда, подсоби. Тут не долго.

Она помедлила, пожала плечами и встала в цепочку. Он был последним в цепочке. Теперь Анюта встала за ним и оказалась по-

следней. Она принимала от него кирпичи и складывала их в ряды. Некоторое время они работали молча — он все глядел на нее, а она смотрела вбок, в сторону, даже тогда, когда принимала от него кирпич. И только иногда, когда он отворачивался, бросала на него быстрый взгляд.

— Анюта, — сказал он наконец. — Что ты хмурая? Все в землю глядишь. Иль что случилось?

С минуту она не ответила, принимая от него кирпичи. Потом сурово, не глядя, сказала:

— А то разве нет?.. Оставил меня перед всем народом. И мне еще радоваться!

— Кто оставил?! — так и осталбенел Василий, задержав в руке переданный кирпич.

— Эй! — крикнул ему тот, кто стоял перед ним. — Спиши?

Василий встрепенулся и стал быстро передавать кирпич за кирпичом.

— Кто оставил-то? — повторил он, обращаясь к Аниюте.

— Сам знаешь кто! — резко сказала Анюта. — Из свово дому уйтить!..

— Ничего не пойму. Об чём ты? — обоммел Василий и снова застыл с кирпичом в руке. — Как так — уйти? Почему?

— Эй! — толкнул его в спину тот, кто стоял впереди.

— Обожди, — кивнул Василий Аниюте, — окончим, тогда толком поговорим.

И он стал быстро принимать кирпичи от своего соседа.

* * *

...Только-только началось утро. Низко плыл туман, и его рваные клочья били по кустам, по траве, по ногам. Разгорался день, и туман, серый и вязкий, был где-то внутри, в сердцевине своей, окрашен странным розовыем светом. Пели птицы. Далеко по селам кричали петухи.

Эшелон был разгружен, последние участники субботника устало брели домой, чтобы перехватить часок-другой сна. Поодаль тропкой в болотном мелколесье шли Василий и Анюта. Анюта, видимо, уже рассказала ему инцидент со Степаном, потому что Василий гневно хмурился, бил прутом по голенищам и говорил:

— Ах, Степка! Ну погоди, сучий сын! А чего ж ты молчала? — сердито спрашивал он. — Неужто поверила, что я мог на тебя такое наговорить?

— Не знаю, — с той же сухостью возразила она. — Не знаю уж, кому верить, а кому нет.

Он вдруг взял ее руку и рывком притянул к себе.

— Не знаешь?.. А ты не в землю, а в глаза мне гляди.

— Пусти! — Она попыталась вырвать руку. — Пусти руку-то!

Но он нежно и сильно повернул ее к себе.

— Слушай!.. Хочешь, всю правду скажу?

— Уйди! — яростно заговорила она. — Слышишь, уйди!.. Привыкли руками баловаться!..

Она с силой оттолкнула его.

— Выходит, Степке нельзя, а тебе можно! Не троны! У меня муж есть!

— Да я все понимаю, все... — в тоске заговорил Василий. — Что мужья жена — понимаю. И что не время сейчас и что революция... Все понимаю. А совладать с собой не могу. Хожу как чумной.

И он вдруг схватил ее и прижал к себе так, что она, тонкая, хрупкая, казалось, вот-вот сломится.

— Не гулять я с тобой хочу, дура! Люблю тебя. Вот оно как. Люблю!

И отпустил ее, отошел. Она пошатнулась, оперлась спиной о березку и стояла так некоторое время, тяжело дыша. Далеко-далеко пропел петух. Василий двинулся к ней.

— Не трожь, слышишь! — проговорила Анюта. — Я кричать буду. Слышишь?

И столько прелести было в ее тонкой фигуре, в этом сердитом свете ее удивительных глаз, что он, не помня себя, снова сжал ее, пригвоздя ее голову поцелуем к березе. Она стала медленно соскальзывать по стволу березы вниз и уже не яростно, а умоляя забормотала:

— Не надо... Не надо... Худо нам будет... И так люди бог знать что говорят...

И сползала все ниже и ниже.

Она уже совсем сползла наземь, но вдруг последним усилием вырвалась и кинулась бежать.

— Стой! — крикнул он.

Она сразу остановилась.

— Завтра буду тут ждать. Как луна взойдет. Слышишь?

Не отвечая, она опять изо всех сил побежала, карабкаясь на пригорок. Сорвалась, заскользила вниз, увлекая за собой камни, хватаясь за траву, чтобы остановиться. И опять стала карабкаться вверх, будто за неё гнались.

— Буду ждать! — еще раз крикнул Василий. — Как луна взойдет. Слышь, Анюта? Но она все бежала и бежала.

* * *

Вечер следующего дня.

Прогулек тонкий голосок паровой установки на Загоре. Это был сигнал к окончанию работ, трудовой день завершился.

Отовсюду к жилым баракам потянулись люди. Шли с торфяных болот торфяницы, шли со строительных участков каменщики, плотники, слесари, столяры, шли лесорубы, расчищавшие лес...

* * *

Столовая переполнена. Люди сидят тесно, впритирку. Едят утомленно, не торопясь, собирая крошки от хлеба.

Еда — вобла, немного похлебки.

Возле жилого барака ужинают семейные. Едят картошку, окуная ее в соль: тоже молча, степенно, не торопясь.

И в бараке, пристроившись на нарах, на ящиках, едят усталые, голодные люди.

Час отдыха, час еды! Облизала ложку стакана, повернулась к углу, где не было иконы, и набожно перекрестилась.

* * *

...Ночь. Тишина. Знакомый нам женский барак. Все уже спят.

Только Анюта лежит на спине, руки под голову, и недвижно глядит в потолок. Сонный ропот, похрапывание. Проснулся ребенок, пискнул, послышались невнятные слова баюканья, и снова тишина.

Медленно, каким-то неясным, как бы далеким сиянием начинает озаряться темный переплет окна. Вот уже посветел край стены, край стола: неясное голубое мерцание вошло в сонный барак и поползло по стенам и потолку, по кадушке с водой, по нарам. Это всходила луна.

Анюта рывком поднялась и села на нарах.

— Что ты?.. Куда?.. — забормотала спросонья Катя.

— Никуда. Спи.

И снова легла. А луна взбиралась все выше и выше. Уже полбарака было озарено ее призрачным, легким светом. Все то, что скрывалось во тьме, постепенно проступало теперь наружу — такое привычное, знакомое и все же такое странное, новое в этом холодном, нездешнем сиянии.

Анюта встала и начала быстро одеваться.

— Чего это? А? Куда? — опять спросонья забеспокоилась Катя.

— Пойду на село.

— Ночью? Это еще зачем? — от удивления Катя сразу проснулась.

— Погляжу, не приехал ли Федор...

— Ой, врешь ты чегой-то, баба, — протянула, подумав, Катя.

Но Анюта уже быстро шла к выходу.

* * *

Залитые лунным светом, курились болота. Кричали лягушки, серебрилась осока, и даже скрюченный болотный кустарник казался таинственным и прекрасным, каким кажется грубое театральное полотно, преображенное огнями соффитов.

Анюта как вихрь взлетела на тот самый холмик, куда в страхе карабкалась вчера, убегая от Василия. Остановилась. Все вокруг казалось огненно-синим. Тени, резкие, острые, легли на траву, на деревья, да так и застыли. Громко крикнула ночная болотная птица и продолжала свой горестный клич через равные промежутки.

Задыхаясь, Аниюта прижала руки к груди. Она медленно обвела глазами болота, далекий лес, словно прощаясь с прошлым, где все было так ясно и точно. Затянула потуже платок, стала спускаться. И остановилась как вкопанная: она увидела Василия. Он стоял на вчерашней поляне и курил папиросу.

Аниюта охнула, опустилась на траву, закрыла лицо руками. Некоторое время она си-

дела так, поматывая головой, как от сильной боли. Потом тихонько отвела руки.

Перед ней внизу расстилалась поляна. Луна озаряла ее. Василий стоял, прислонившись к березе. Тень от легкого облака гуляла по траве и кустам, то заслоняя, то открывая его.

И вдруг, слабо вскрикнув, Аниюта бросилась опрометью назад. Она бежала как ветер, ничего не видя вокруг, стараясь уйти от страшного наваждения, которое охватило ее, смелоб, лишило сил и едва не привело к Василию. Она бежала болотами, лесом, лугами. Все было тихо, празднично, лунно, и только горячее женское сердце металось, изнемогая, среди ночных покоя да кричала болотная птица.

А Василий ждал на поляне и курил папиросу за папиросой.

Аниюта вышла к родному селу. Тут на юру стояла с седых времен старая сельская церковь. Окна ее теперь были заколочены, ржавые двери настежь раскрыты, словно взывая к тем, кто, усталый и обремененный, плутал в ночи.

Аниюта вбежала в церковь. В недавнее время здесь, очевидно, был склад, всюду валялись старые бочки, обломки ящиков, всякая рухлядь. Лунный луч, клубившийся где-то в прорезях купола, светил слабо, словно голубая свеча. Сельский бог, держа на ладони голубя, загороженный ящиками из-под повидла, едва вырисовывался в темноте рядом с иконой божьей матери, созданной сельским иконописцем.

Анюта рухнула на пол и неистово стала молиться, припадая в рыданиях к темным плитам, среди соломы, обрывков шпагата и смятых окурков.

— Господи, святый боже, святый крепкий, святый бессмертный!..

Нет, это не была молитва робкой души, трепещущей и напуганной. Это была мольба души сильной, страстной, которая билась на смерть в этот час, чтобы сломить в себе эту страсть. И поклоны ее были неистовы и слова метались по этой удивительной церкви в какой-то яростной хрипоте. Это была молитва женщины, которую сжигала любовь, мольба о погибели этой любви, но каждое слово мольбы делало эту любовь еще более страстной и непобедимой.

* * *

...Померк лунный свет, ночь кончалась, потянуло холодом и туманом. Василий шагал по поляне. Затем взошел на пригорок, где недавно стояла Анюта. Огляделся вокруг. Аньют ни где не было видно.

Не было видно теперь и лунных болот, синего, странного света, не было слышно лягушек. Отовсюду, словно из пор земли, поднимался туман. Он надвигался как туча, застилая собой все, подходил к подножию холма.

Василий печально вздохнул и побрел своей дорогой. В рабочем поселке все окна были темны, светилось только одно — окно Хромченко.

Василий подошел, увидел, что Хромченко сидит за столом, постучал.

— Входи!

Хромченко что-то писал. Прихода Василия он, конечно, никак не мог ожидать. Спросил удивленно:

— Ты чего рано?

— Поговорить надо.

Хромченко отодвинул лист исписанной бумаги.

— Говори.

Василий походил по комнате, закурил.

— Скажите, товарищ Хромченко. Как будет при коммунизме насчет любви? Будет любовь или нет?

— Вот так вопрос! — сказал Хромченко, засмеялся и закурил. — Ты, значит, для этого спозаранку поднялся? Иди досыпай — будет любовь!..

Но Василий не принял шутки. Молча походил.

— Ну, а если так? Замужняя женщина, а ты полюбил ее. — Он помолчал. — СманиТЬ хочешь... Жить с ней, с замужней? Как это? — в мучительном ожидании спросил он. — Вяжется это с коммунизмом? А?

— Задача! — не то серьезно, не то комически вздохнул Хромченко и поскреб затылок. — В марксистской теории, брат, на это ответа нет. Но если уж зашел разговор, то скажу: нехорошо с замужней. Нечисто. Надо в себе это побороть.

— А если нельзя побороть? Если жгет день и ночь?

— Ну «жгёт», «жгет», — усмехнулся Хромченко. — Это уж, брат, романтика... Какие же мы коммунисты, если с пустым баловством не справимся. Охота вздыхать — влюбись в девку!

— Да я не об девках сейчас! — в ярости крикнул Василий. — Чтоб они провалились совсем! Любовь, ведь она не спрашивает: есть у ей муж или нет! Жгет, дыхнуть не могу!.. И что за теория, раз об этом ничего нету?! Какая это теория!

— Да ты погоди, погоди!..

— Вот с тобой говорю, а только об ней и думаю... — продолжал, не слушая, Василий. — Почему не пришла? Где она? Что с ней, с бедной? Вот и ответь, если ты марксист!..

* * *

...В тот же рассветный час Анюта укладывала в бараке свой сундучок. Укладывалась тихо, стараясь никого не разбудить. Но, когда сундучок был уложен и закрыт, она легонько толкнула спавшую Катю.

— Слушай, Катя, скажешь дяде Семену, что я совсем ухожу из артели.

— Это еще почему? — изумилась Катя, протирая заспанные глаза.

— Так нужно, — молвила Анюта. — Пойду на болото работать, на торф.

— Сдурела?! — крикнула Катя.

— Нет-нет, так нужно, так нужно... — повторила Анюта, взяла сундучок, пошла, остановилась и промолвила как бы невзначай. —

А если этот... знаешь, со склада... будет спрашивать, где я... скажи, мол, не знаю... Ничего, мол, не знаю... Ладно?

* * *

Комната Хромченко. Теперь уже Василий сидел за столом, низко опустив голову, а Хромченко шагал из угла в угол.

— Ты пойми — разве я против любви? — говорил он. — Но ведь ты коммунист, человек, на которого смотрит народ, по тебе проверяет — правду мы в жизнь несем или грязь и только брешем о правде... А мы будем жен от мужей уводить, с чужими бабами путаться!.. Хорошо это, как, по-твоему? Что народ о нас скажет? Вред это партии, а?

Василий долго молчал, потом встал и решительно, как отрубил, сказал:

— Точка! Все!.. Выдеру эту блажь из себя... Может, оно и к лучшему!..

Но вид у него был такой несчастный, что Хромченко подошел, обнял его.

— И вообще, друг, — сказал он проникновенно, — время ли сейчас до всего до этого?.. Ну скажи по совести: время? Рабочий класс ведет бой, какого еще не видала история. А в сражение, брат, надо идти со спокойной душой. Что ты за боец, коли у тебя в душе суматоха?.. Никудышный боец! Рано еще нам, брат, до гитар и лобзаний. Ясно? Чай будем пить?

Василий не отвечал. Хромченко снял с керосинки чай, разлил по кружкам,

— Хорошо, — сказал тихо Василий. — Но скажи мне тогда, Андреич, почему это человек...

Он не успел закончить вопроса. Раздался громовой стук в окно, и вслед за этим чей-то отчаянный крик:

— Иван Андреич! Вставай! Ленин убит!

* * *

И сразу замелькали огни в поселке на Черном озере. Повыбегали из бараков полуодетые люди, заметались. Кто-то изо всех сил бил в железный рельс — сигнал тревоги и бедствия. И этот грозный, надсадный набат гулял над людьми и домами.

* * *

Толпа в смятении хлынула куда-то на маленькой железнодорожной станции, где стоял поезд с вагонами Дениса. Люди пробегали мимо Дениса и Федора, и каждого пробегавшего Денис в ужасе вопрошал:

— Неужто убили? Неужто правда убили?

Люди не отвечали и, безнадежно махнув рукой, пробегали мимо.

Они бежали к поезду из Москвы, который медленно подходил к платформе.

— Да побеги ты, ради христа, узнай! — взмолился Денис, обращаясь к Федору. — Ну что ты стоишь, как идол!

— Стоишь! — передразнил Федор, который и сам-то едва был в силах бороться с

желанием бежать на станцию и все узнать. — А мешки?.. Беги сам!

— Не могу я оставить вагоны, — убеждал чуть не плача Денис. — А мешки я постегу.

Но Федор стоял в нерешительности.

И снова прыгал Денис, как привязанный, возле своих знаменитых вагонов и молил каждого, кто пробегал:

— Мил человек, не могу отойти... Христом-богом прошу — вернись и скажи, что там такое!..

Наконец Федор не выдержал.

— Ладно, пойду!.. Только смотри мне! — с угрозой сказал он Денису, кивнув на мешки.

И побежал через рельсы на станцию. Московский поезд уже остановился. Большая толпа окружила паровоз. Помощник машиниста бросал в толпу связки газет, в то время как машинист кричал:

— Не верьте, граждане, клеветел.. Ленин жив, только ранен!.. Жив Ленин!.. Не верьте империалистам!.. Жив!..

Радостный гул пошел по толпе. Люди, чужие друг другу, в рабочих куртках, в шинелях, в армяках, обнимались.

И надо всем этим разносился голос машиниста:

— Товарищи! Враги хотели убить того, кто отдал всю свою жизнь рабочему классу... Хотят в крови утопить свободу. Не выйдет, товарищи... Ленин жив, только ранен. Никакой паники! Слухам не верить!.. Ленин жив!.. Жив!!!

Федор опоздал и стоял в толпе далеко от оратора, голос машиниста был ему едва слышен, и Федор в тревоге и нетерпении спрашивал каждого:

— Что он говорит? Жив? Да? Жив?

И наконец опрометью бросился обратно к вагону, крича в восторге Денису на ходу:

— Жив!..

Они долго на радостях обнимались с Денисом, который утикал слезы счастья, размазывая их ладонью по щеке.

Загудел паровоз.

Московский поезд ушел. Люди, оживленно переговариваясь, читая газеты, покидали платформу.

— Да, вот это радость так радость! — говорил Федор, развязывая знакомый нам мешок с провизией. — А я и вправду думал, что убили его... Такой человек!.. Аж сердце обмерло... Есть на радостях будешь?

— Да уж не прочь, — стеснительно отозвался Денис.

— Такой человек! — продолжал Федор, вынимая провизию из мешка. — И сколько он для людей сотворил!.. Ведь это подумать!.. Салу тебе али как?

— А я уж и сам не знаю, — сказал Денис, растерянно оглядывая остатки своей одежды. — Не знаю чего и сымать... одни штаны только и остались. Неловко...

Федор оглядел штаны Дениса.

— Что за неловко! — успокоительно сказал он. — Небось не престольный праздник... Теперь до дому уже недалече...

* * *

Чуть брезжило, кричали петухи, когда Денис, пробираясь со станции к главному поселку Загорской стройки на озере, подошел к крайнему бараку. Он пробирался, пугливо оглядываясь, боясь попасться кому-нибудь на глаза, так как был в одном исподнем белье: все остальное его обмундирование перешло к Федору за харчи в пути.

Окна в крайнем бараке были темны: все спали на стройке в этот глухой час. В темнотах Денис вошел в сени, нащупал дверь, вошел в барак. Протянув руки, чтобы не насткнуться на что-нибудь, он сделал несколько шагов вперед, налетел на табуретку, рванул в сторону, опрокинул ведро. На нарах зашевелились, и сонный женский голос спросил:

— Кто там?

С испуга Денис подался назад и сел на кого-то, лежавшего на нарах. Женщина с визгом вскочила и завопила:

— Батюшки! Кто это?

Совсем очумев, Денис бормотал:

— Господи! Кудый-то я? Никак женщины??!

Барак зашевелился, послышались испуганные женские голоса, чиркнула спичка, колыхнулся огонек на фитиле, и Денис, помертвев от ужаса и стыда, убедился, что он попал в женский барак.

Слышались возмущенные возгласы:

— Мушина!
— Ты к кому пришел?
— Ты кого тут ищешь?
— Бабы, держи его!

Денис кинулся к двери, но две дюжие женщины бросились ему наперевес и вытолкнули на середину барака.

— Глянь, бабоньки, он враз в ночном виде, чтоб зря не мешкать! — крикнула Катя.

Тут только разглядел барак туалет несчастного Дениса.

Грянул неистовый хохот:

— Ах ты бесстыжий кот, нахальная твоя рожа!

В Дениса полетели самые различные предметы — легкие и тяжелые: сапоги, кастрюли, жестяные кружки...

Он отбивался, прикрывая голову и взывая:

— Постойте, бабы!.. Товарищи!.. Убьете ведь... Да разве я об чем таком думаю? Да я без мыслей, бабоньки...

— Без мыслей! А штаны где?

Новый взрыв громового хохота. Денис продолжал в смятении объяснять:

— Я, братцы, с дороги... Прохарчил одежонку... Барак-то, думал, мужской... Вот и свернул за одежей... Я, братцы, продукты привез на стройку.

Это последнее заявление сразу оборвало шум и смех. Все насторожились, затихли. Поплышились недоверчивые реплики:

— Какие продукты?
— Откудова?

— Что брешешь-то?

— Ей-богу, — заговорил Денис. — И мука и крупа. Всему народу гостинец! — радостно заключил он.

Все в недоумении молча глядели на Дениса, не зная, верить ему или нет.

— Ты что же, сам продукты вез, а штаны на продукты сменял? — недоверчиво протянул кто-то.

— Так то ж не мое... То ж я народу вез, — сказал, оглядываясь, Денис.

— Ты хоть прикройся-то малость, мужик, — уже совсем другим тоном сказала Маша и кинула ему одеяло.

Денис стал поспешно обматывать одеялом. Бабы окружили его:

— Ты вот что... не плети. Ты правду говори...

— Да истинный бог, привез, — крестился Денис. — И сахар привез.

— Слышите, бабы?

— И пшена привез, — со счастливой улыбкой твердил Денис. — И копченое сало... И гречку... Вон, на станции.

Весь барак зашумел от радости. Катя с размаху набежала на Дениса, обняла его и влепила поцелуй:

— Ах ты, родимый ты мой!

Снова хохот:

— А мы его чуть не убили!..

— Качай его, бабы, — крикнула Катя.

И замотанный в одеяло Денис стал взлетать, качаемый восторженно гудевшим бараком,

* * *

Под вечер, задами, чтобы не узнали односельчане, какой продукт и в каком количестве он привез, пробирался Федор к своей избе в деревеньке Теребеевке.

Остановился в изумлении. Окна его избы были крест-накрест заколочены. На дверях висел большой ржавый замок, но замочное кольцо было выворочено и дверь приоткрыта.

Федор осторожно и испуганно вошел в избу. Она казалась пустой. Из-за полога, где стояла супружеская кровать, доносился громкий мужской храп.

Федор так и застыл на месте, услышав этот храп. Затем, сбросив тяжелый мешок, кинулся за полог. Там, на кровати Федора и Аньюты, спал Степан в штанах галифе и в новых сапогах.

Федор яростно пнул его ногой в бок. Степан вскочил, ошалело уставившись на Федора.

— А, явился! — не очень дружелюбно приветствовал он Федора.

Федор свирепо оглядел все кругом в поисках Аньюты. Обшарил кровать, заглянул под кровать, рванул занавеску.

— Где жена? — грозно рявкнул он. — Аньута где?

— Аньутка? — переспросил Степан усмехнувшись. — А я почем знаю?

— Как это не знаешь? А ты чего здесь? — со злобой, ревниво и грозно добивался Федор.

— Я-то! — Степан спокойно закрутил цигарку. — Я-то, брат, поначалу на фронт по-

дался. А потом нашлись люди добрые, надумили. Тоже кишки мотать за ради чего не охота. Ну, вернулся. Селиться негде, живу вот тут, — он указал на супружескую кровать Федора.

— Да я не о тебе спрашиваю, прах тебя побери! — гаркнул вне себя Федор. Я об жене. Что с ней? Говори толком, собака! Куды мою жену дели?

Федор рванулся к Степке, схватил его за ворот рубахи.

— Ну ты, полегче, — заметил Степан, высовбождаясь. Он встал, потянулся, вышел из-за полога в избу. Федор неотступно следил за ним. Степан посмотрел на мешки, привезенные Федором, взглянул в его настороженные злые глаза и сообщил: — Плевала теперь на тебя твоя Аньютка. На стройке она. С начальством живет.

— С каким начальством?

— Помнишь, столовался тут у тебя один... коммунист. — Степан развязал мешок Федора, вынул оттуда сало. Рванул зубами. — Так она теперь с ним по ночам Карла Маркса читает.

— Брешешь! — захрипел Федор. — Брешешь, пес!

Его нельзя было узнать. Он был страшен, глаза налились кровью, руки дрожали.

— А чего мне? Вон у народа спроси.

— Перекрестись!

— Нá вот, — перекрестился Степан и рванул еще сала.

Федор вдруг сразу обмяк, сел на скамейку.

— Что же это? — забормотал он в отчаянии и горе. — За что же это? А, Степа? Ведь так любил ее, так любил... Такие страданья принял — смотри, сколько привез... Стреляли в меня, мучился, а все вез... Все для нее... — Всхлипнул. — За что же так? А? За что, господи?

— Потому и вертит хвостом, что все для нее... — Степан съел уже половину бруска сала. — Нашел тоже! Стегать их надо!

— Ну ладно, Аньютка! — захрипел Федор и поднялся с лавки. — Теперь убью!

И он начал торкаться по углам, что-то ища.

— Чего ищешь? — Степан вынул из кармана галифе наган. — На-ка вот.

Федор отшатнулся.

— Что ты, окстись! Мы своим средством. Где вожжи?

Он опять заметался по избе. Взгляд его упал на загаженный окурками, сором, пустыми бутылками пол.

— Что ты с избой натворил-то? Боров! — сердито крикнул он. — И сало мое отдай! — загремел он, только сейчас заметив, что Степан ест сало. — А это убери, — он кивнул на наган.

Он нашел наконец вожжи, стал их энергично разматывать.

— Дурак ты, дурак! — презрительно констатировал Степка, пряча наган. — Разве одними вожжами теперь с бабой спрашиваться?

Федор сел, глядя на вожжи. Потом поднял

глаза на Степана и вдруг, утирая слезы, сказал:

— Подсоби, Степан. Век буду бога молить. Слыши, Степушка, подсоби.

— Ладно, сделаемся... Как потемнеет, съездим, возьмем ее. Беги за телегой.

* * *

Торфяные болота протянулись до самого горизонта. Тяжела была тут работа женщин-торфянниц, но работали они хорошо. Среди них уверенно, споро, весело работала и Аньюта.

Уже вечерело и близился конец рабочего дня, когда по лесной тропке прискакал к торфянникам верховой и крикнул:

— Эй, на болоте! Как пошабашите, все к центральной конторе. Продовольствие привезли, подарки выдавать будут. А потом кино.

Радостный хор голосов прошел по болоту.

* * *

...Оживленно было в женском бараке, раскинутом на торфяных массивах. Работницы готовились к поездке на центральный участок стройки: отмывали руки, причесывались, надевали чистые кофты. Мелькали белые платочки. Царила радостная, веселая суматоха.

Аньюта, не торопясь, утиралась полотенцем.

Вбежала запыхавшаяся девчонка:

— Скорей! «Кукушка» подошла.

Все еще больше засуетились. Одна лишь Аньюта медленно утирала лицо.

— А ты чего возишься? — крикнула ей мимоходом товарка. — Аль опять не поедешь?

— Да ну их! — ответила Аньота.

— И почему-то, девки, наша Аньота никогда на центральный участок не ездит, — крикнула бойкая девушка. — Разочарование у неё в кино, или как?

Засмеялись. Кто-то сказал:

— А ведь верно!

Аньота как-то странно засуетилась, стараясь скрыть смущение.

— Устала я, вот и все...

Бойкая девушка подбежала к Аньоте, обняла её.

— Поедем, Аньота! Нешто так можно жить? Все работа, работа... Ведь ты же красавица! Погляди на себя. — Она пододвинула осколок крестьянского мутного зеркальца.

Аньота пожала плечами, нехотя взглянула в зеркальце, нехотя провела пальцем по бровям. И вдруг озорная искра пробежала в ее глазах.

— А может, правда поехать? — негромко сказала она.

Словно какая-то острые мысль вдруг прошлась ее — она встряхнула головой, улыбнулась в зеркало легкой, беспечной усмешкой и стала расчесывать волосы деревянным гребешком.

* * *

...В это время Федор и Степан угремо ехали на телеге по лесной разбитой дороге.

* * *

... Аньота уже оделась в праздничное платьице. Было сейчас в ней что-то совсем иное, такое, чего мы еще ни разу не видели в ней, что-то горячее, легкое, оживленное. Она вынула из сундука белый платок, примерила, кинула обратно, порылась еще в сундучке, извлекла шарф, который подарил ей Василий, набросила на плечи.

Снова взглянула на себя в зеркальце, поправила шарф, улыбнулась и выбежала вместе с другими из барака.

...Хохоча взирались торфяницы на платформы «кукушки». Аньота уже сидела на платформе, ее соседка что-то рассказывала ей, и обе смеялись, когда подбежала еще одна из торфяниц:

— Аньота! Фокина! Где Фокина?

— Я здесь, — встрепенулась Аньота.

— Тебя там спрашивают.

— Кто спрашивает?

— Вон, за бараком... Какой-то мужчина.

— Мужчина?

Странная мысль о Василии пронзила Аньоту. Не помня себя, легче пуха соскочила она с платформы. Побежала к поляне. Вдруг чей-то мужской голос из-за угла барака окликнул ее.

— Аньота!

Она остановилась помертвев. Это был Федор.

— Иди-ка сюда, — сказал он, указывая на рощу.

Она нашла в себе силу с притворной радостью сказать:

— Федя! Приехал!

— А ну-тка, пройдем, — не отвечая, проговорил он.

Она шла за ним, испуганная, непонимающая.

Он подвел ее к деревьям, за которыми прятался Степан. Глухо сказал:

— Ну, говори!

— Чего говорить? — побледнела она. — Что ты, Федя?

— Сказывай, с кем путалась, душу твою раздери! С кем спиши, говори. Убью! — заревел он.

Она в испуге подалась назад, он схватил ее и наотмашь ударили кулаком. Удар отбросил Анюту в сторону Степана, и тот с такой силой хватил ее по затылку, что она снова оказалась отброшенной к Федору, который на этот раз изо всех сил обрушил кулак на ее лицо. Она схватилась руками за лицо и упала.

Подскочил Степан и начал пинать ее ногами, приговаривая:

— Бей ее, бей!.. Чего стоишь?! Бей!

И Федор тоже прыгал вокруг Анюты и пинал ее ногами.

Запоздавшая торфяница, пробегая к «кукушке», увидела это избиение.

— Карапул! — Торфяница бросалась к станции. — Ба-абы!

— Скручивай! — крикнул Степка Федору. — Таски к телеге!

Они скрутили Анюту вожжами и поволокли по земле в чащу, в лес. В это время раздался свисток, «кукушка» тронулась, а опоздавшая торфяница истошно кричала, догоняя ее:

— Товарищи! Граждане! Бабу бьют! Нюрку Фокину убивают!

Несколько человек — мужчины и женщины — повыскакали на ходу с «кукушки», бросились к баракам.

Но телега уже умчалась, подпрыгивая на кочках. Федор держал связанный Анюту, а Степан изо всех сил нахлестывал лошадь.

* * *

На центральном участке, возле конторы, выдавали всем рабочим продовольственные подарки из продуктов, привезенных Денисом. Бурлило веселье, как на Первомай. Пели песни, плясали, водили хороводы. Заливалась гармошка. Особо выдавали подарки ребятишкам, и их курьезная очередь колыхалась возле ларька.

В мужском бараке рабочие, обступив Дениса, одевали его.

Каждый наперебой предлагал ему свою гимнастерку, косоворотку или пиджак.

— Да что ты ему даешь! Не видишь — велико ему... Накось, мою примерь...

И Денис, стесняющийся и счастливый, примерял еще одну гимнастерку. Он был уже в брюках, но без сапог. А вокруг раздавались голоса:

— Вот это враз...

— А ну-тка, прикинь теперь это!
Вошел Василий с новыми сапогами.

— Попробуй-ка! Влезешь?
Денис, так и не подобрав гимнастерки,
бросился примерять сапоги.

* * *

... Мимо хороводов, гармошек, ребятишек,
мимо празднично одетых людей бежала Катя.
Прибежала на склад.

— Губанов здесь?

— Нету... Он в третий барак побежал, с
сапогами...

* * *

А в мужском бараке ребята по-прежнему
стоят вокруг Дениса, который уже обмотал
босые ноги портянками и сейчас натягивает
сапоги. Смотрят с таким интересом, будто
Денис фокусник, а дело происходит в театре.
Денис натянул сапоги, прошелся, поправил
голенища, опять прошелся. Сказал удовлет-
воренно:

— В аккурат! Только великоваты.

Вбежала Катя.

— Губанов тут?

— Тут,— откликнулся Василий.

Она сделала ему знак отойти в сторону
и, едва переводя дух, зашептала:

— Слыши ты! Бабы с торфа приехали, го-
ворят, муж Анютку избил. Гляди, до смерти
доколотят, у нас так бывает...

— Как — избил? — Василий побледнел.—
Где это?

— На болотах... Двое их было... Говорят,
связали и на телеге увезли... Видать, домой,
в деревню.

— Та-ак,— сказал Василий. И, постояв
немного, быстро вышел из барака.

* * *

В избе Федора дым стоял коромыслом.
Собралась лихая компания: были тут и Степан,
и Расстрига, и некий Чернобородый, и еще
несколько дезертиров из местных крестьян.
Пили самогон, лопали сало, привезенное Фе-
дором. Сам Федор, навеселе, потный, вихрастый,
рассказывал о своих похождениях.

— Да что ты мне говоришь?! — кричал
он.— Я их сам видел. Вот как тебя. Тут они,
а я тут...

— Да кто ж это были?— допытывался Рас-
стрига.— Немцы? Наши? А, может, французы?

— А пес их знает. Я оттуда убег.

— И конница у них есть?.. И артилле-
рия?— сыпались вопросы.

— Если б не было, разве я бы побег?..
Ой, братцы!.. Все видел, везде сарпинку ме-
нял, думал, сгодится впрок. А теперь,— он
безнадежно махнул рукой,— жизнь вперекос
пошла, ничего мне не нужно. Ешьте! Жрите!
Мне теперь все равно! А бабу свою я все од-
но убью.— Он хватил стакан самогона и вы-
шел за полог.

Здесь на кровати, избитая со связанны-
ми руками, лежала Анюта. Глаза ее были за-
крыты.

— Анюта, спиши?

Она медленно открыла глаза и снова закрыла их. Страшный синяк затенял один глаз.

Федор долго смотрел на нее. Потом вдруг как-то странно сморщился, всхлипнул и опустился на сундук.

— Что ж ты наделала?! — в смертельной тоске забормотал он. — Господи боже мой! Куды ж деваться теперь? Все прахом, вся жизнь!

Анютка не отвечала. Глаза ее были закрыты.

— А может, брешут люди? — в великой надежде и любви спросил Федор. — Знаешь, народ-то... Народ-то он, знаешь!.. Анютка? Дай-ка я тебя развязжу.

Он зубами распутал узлы, стягивавшие ей руки. Наклонился к ней, пытаясь заглянуть в глаза:

— Слыши меня? Может, и вправду брешут?.. Ну, может, и было что, да не любишь ты его вовсе... — совсем тихо забормотал он. — А? Анютка? Скажи, я прощу... Ведь не любишь?

Она медленно открыла глаза и долго смотрела на Федора, словно видела его впервые. Ни страха, ни смятения не было в этом взгляде.

— Люблю, — проговорила она.

Федор окаменел. Потом изо всех сил ударил ее по лицу. Помедлил и еще раз ударил. Вышел.

В избе встретил его новый взрыв шума, говоря.

Анютка полежала немного недвижно, потом приподнялась. С трудом — она была жестоко

избита — раскрыла окно. Перегнулась через подоконник, свалилась вниз во двор. Поднялась. Побрела к калитке. Все это делалось медленно, с огромным напряжением сил; все время казалось, что вот-вот выдаст Анюту какой-нибудь случайный шорох, вот-вот за полог войдет опять Федор или кто-нибудь из пирующих. Ночь была темная, шумели деревья. Недолгое время она шла по темной болотной тропе, потом рухнула навзничь.

Так на тропе, и нашел ее Василий, бежавший во весь дух к Теребеевке. Бросился к ней, приподнял. Она открыла глаза, отшатнулась, дрожа, и вдруг, узнав, прижалась к нему всем своим избитым, исполосованным телом.

— Ты?.. Ты?.. — в исступлении бормотала она. — Ты?.. Ты?.. Ты...

Он держал ее в объятиях, целовал ее волосы, ее изуродованное лицо, а она говорила, торопясь, задыхаясь, трепеща от нежности и любви.

— Куда ж ты скрылся?.. Что ж не искал меня? Что ж не кликнул? Аль разлюбил? Аль не любишь?

— Люблю, — говорил он и целовал ее с такой силой, что они затахали надолго. — Люблю!..

— Говори, говори! — жадно шептала она. — Говори!.. Да обойми меня! Слыши, обойми! — повторяла она в нетерпении.

И снова, как тогда в церкви, увидели мы все неистовство страсти, бушевавшей в этой женщине, такой тихой и робкой на вид.

А он говорил:

— Люблю!.. Измаялся без тебя!.. Извелся!..

Вокруг была темная болотная ночь, накрывал мелкий дождь, ударяя о ветви ели, которые укрывали их. Он обнимал ее все горячее, а она жалась к нему теснее и теснее.

— Желанный мой!.. Пусть бьют, пусть убьют! Кровинка моя!

— ТАК В ЭТУ ТЕМНУЮ НОЧЬ РЕШИЛАСЬ СУДЬБА ИХ ЛЮБВИ, — ГОВОРЯТ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ. — С ТЕХ ПОР ОНИ УЖЕ НЕ РАССТАВАЛИСЬ. ЭТО БЫЛИ МОЯ МАТЬ И МОЙ ОТЕЦ.

ПРОШЕЛ ГОД, ПОЖАЛУИ, САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ГОД ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ. БЕЛЫЕ ПРИБЛИЖАЛИСЬ К МОСКВЕ. НАШЕЙ АРМИИ НЕ ХВАТАЛО ВИНТОВОК, СНАРЯДОВ. У НАСЕЛЕНИЯ НЕ БЫЛО ОДЕЖДЫ И ДРОВ. НЕ СТАЛО И ХЛЕБА.

Мы видим пустые московские улицы, заколоченные витрины. Вот прогремел одинокий трамвайчик, увешанный людьми. Мигнул свет электричества в окнах домов, еще раз мигнул, пожелтел и погас. Тьма, безлюдье.

И молчаливая, длинная, бессонная очередь женщин и детей возле хлебного магазина.

... Такая же длинная очередь из женщин и детей, но это уже Загора. Очередь видна из окна конторы, возле которой стоит Зимний. В конторе партийное собрание загорцев — человек двенадцать.

Зимний отвел глаза от окна, стукнул карандашом о стол и спросил:

— Ну так как, товарищи коммунисты, будем решать? Надо решать, товарищи.

И один из присутствующих сказал то, что, очевидно, говорилось на этом собрании много раз:

— Да какое же может быть тут другое решение?! Поезда встали. Связи с Москвой никакой. Хлеба нет, ничего нет. Какое еще решение.

И Хромченко, бледный, осунувшийся, закричал:

— Нет! Не могу! Нельзя, товарищи. Нельзя так! Как же можно сейчас закрыть стройку? Ведь совсем немного осталось.

Другой из присутствующих, видимо, фельдшер, потому что пальто было у него наброшено поверх белого халата, забормотал:

— Тиф, Андрей Иванович! Тиф... Народ валом мрет...

— Эка невидаль — тиф! — крикнул Хромченко и закашлялся.— Тиф, он теперь всюду. Вот с хлебом что делать? — продолжал он в отчаянии.— Хлеб где? Ну чего молчишь? — обратился он к одному из партийцев по фамилии Авдеев.

— Что ж еще говорить-то? — хрюпlo отвечал Авдеев. — Я уже объяснял: вышел к нам из Москвы эшелон с мукой... И нету его.

Раздался нетерпеливый голос:

— Где же он, черт тебя побери!

— Откуда я знаю, — Авдеев слабо развел руками, — застрял где-то... То ли мост взорван, то ли еще что...

— Как так — не знаешь? Тебе поручено, а ты не знаешь?! — вспыхнул Василий.

Кто-то схватил Авдеева за ворот, подтолкнул его к окну, сунул носом в стекло:

— Гляди, что делается-то!!

За окном все в том же безмолвии стояла у хлебного магазина очередь, которая, казалось, стала еще длиннее.

— Видишь? — яростно спросил Авдеева тот, кто подтолкнул его к окну.

— Вижу, — тихо сказал Авдеев. Он оглядел всех горячечными глазами, помотал головой, отошел от окна, покачнулся, тяжело сел на стул и опустил голову на руки.

— Простите, товарищи, болен я, — прокричал он.

Встал Василий:

— Ладно, я этот эшелон найду.

На него поглядели с недоумением.

— Где это ты будешь его искать?

— Нужно найти — значит, найду! И все тут. Точка!

— Поезда-то не ходят, — возразил кто-то. — Может, он, эшелон, за восемьдесят verst встал.

— Слушай, Губанов, — сухо сказал Хромченко, — я уже слыхал один раз от тебя это твое: «Точка!» Так помни — тут ведь не по бабьему делу. Тут дело такое: будет хлеб — будем строить. А нет — придется действительно стройку закрыть. Ясно?

— Можно идти? — спросил Василий и вышел.

Первым делом он поспешил к себе домой.

Он жил в каморке при складе. Здесь стояла простая железная койка, покрытая шинелью. Неструганый ящик из-под товара заменил стол, не было ни вещей, ни мебели — голые стены. И все же в чем-то неуловимом, неясном чувствовалось присутствие женщины. Какая-то робкая, чисто женская попытка создать уют, обжитость, изгнать холод голых, неприветливых стен. Вот шарф, некогда подаренный Василием, — он наброшен на ящик, заменяющий стол. Вот букетик полевых цветов в жестянной банке. Синий женский передник на гвозде.

Василий торопливо подбросил щепок в печурку, разжег, поставил греться воду.

Внезапно в раскрытом оконце мелькнула чья-то тень. Василий, занятый своими мыслями, поднял глаза. Там стоял Федор, страшно похудевший, обросший. Василий даже не сразу узнал его. А узнав, чуть не лишился языка от неожиданности.

Они довольно долго оглядывали друг друга.

Наконец Федор сказал:

— Что, не узнал? Год не видались.

— Да вроде как бы и год, — отозвался, стараясь скрыть смущение, Василий. Он взял с полки три картофелины и бросил их в воду.

Федор неторопливо оглядел голые стены каморки, ящик, покрытый шарфом, койку, покрытую шинелью.

— Значит, все строите? — язвительно спросил он, кивнув в сторону стройки.

— Строим.

— В тифу-то? В голоде?.. И до каких пор?

— Пока не выстроим.

— Чудно.— Федор развернул узелок. Там были большая краюха хлеба и два огурца.— Нá вот, возьми,— сказал он.

— Не надо,— ответил он.

— Не об тебе речь,— сердито сказал Федор и поглядел на женский передник.— Может, кому и сгодится.

— Не надо.

— Ну, не надо — нам больше останется,— ответил Федор и опять завернулся в тряпочку краюху и огурцы. Он отошел от оконца, словно вовсе решил уйти. Потом вдруг вернулся и поманил Василия пальцем.

Василий удивился, но подошел. Федор осторожно огляделся по сторонам.

— Ты вот что... Скажи начальству своему... Что это... Чтоб, значит, побереглись... Нетровен час — подпалят...

— Что подпалят? — насторожился Василий.

— А вот это... чего настроили.

— Кто подпалит?

— Мало ли кто: разный народ. Сам слышал. И люди слыхали.

Василий насторожился, оглядел Федора, а потом сердито сказал:

— Брешешь ты все! Ступай отсюда!

— Ну гляди, дело ваше.

Василий резко повернулся спиной к оконшку, давая понять, что разговор окончен. Подошел к печурке, где в кипящей воде варились три картофелины. Но Федор не уходил. Он молчал.

Молчал и Василий...

— Говорят, родила? — проговорил наконец Федор и кивнул на передник.

— Да... Позавчера родила. Сын у нас.

Федор наклонил голову. Долго стоял так. А потом крякнул, взял свой узелок и молча пошел прочь.

...Тогда Василий позвал через дверь паренька, игравшего во дворе:

— Митька! Кликни-ка мне дядю Дениса.

Вынул огрызок карандаша, помусолил, подумал, еще раз помусолил и стал писать, с трудом выводя неровные, разбегающиеся строки:

«Аннушка, пишет тебе твой Василий. Аннушка, нет мне ни сна, ни покоя, изболелась душа, думавши о тебе...».

* * *

И вот мы уже слышим голос Анюты, продолжающей читать по складам это письмо. Родильный барак. Возле ее кровати сидит Денис и держит в руках узелок. Анюта читает письмо Василия, на глазах у нее слезы. Рядом с ней на подушке спит новорожденный.

А вокруг стоят, подперев пальцами щеку, другие женщины, и на глазах у них тоже слезы.

— «...Аннушка, ягодка моя,—читает Анюта по складам.—Береги себя. Знай, что если что, так и мне без тебя не жить.—Она всхлипнула и утерла слезу рукавом рубахи.—На-арод... на-род новую се-бе жизнь стро-

ит, — продолжает читать по складам Анюта, волнуясь и сбиваясь, — и мы с ними. И ни об чем... об чем... не жалей... А за сына еще раз тебе спасибо...». — Улыбка так и засияла у нее на устах, и она опять всхлипнула. Завздыхали, завсхлипывали и бабы.

— Ну погоди, погоди, — сказал тоже расторганный Денис. — Погоди, не плачь!.. Не плачь, тебе говорят!.. Вот, гостище тебе от него.

Он развернул узелок. Там лежали три картофелины и кусок хлеба из лебеды. Она взяла эти картофелины и этот хлеб и глядела на них так, какглядят женщины на самый желанный, самый чудесный подарок.

— Дорогой ты мой! — только и могла она вымолвить и зарыдала.

А Василий тем временем шел по шпалам в поисках застрявшего эшелона. Стоял холодный день, трава была рыжая, мертвая, мокрая, а там, где не было травы, чернела глубокая вязкая слякоть. Моросил дождь, рывком ударила ветер.

Вокруг были болота, среди них тонкая бровка насыпи, и по насыпи, со шпалы на шпалу, шагал человек в старой шинели и в картузе.

* * *

В больнице возле кровати Анюты сидел теперь один Денис.

— Боюсь я, Денис Иваныч, — в тревоге говорила она. — Как мне с сыном-то быть. Ведь

незаконный он? А? И крестить Вася не даст. Денис Иваныч? Некрещеный!.. А?

— Э, милая, — покачал головой Денис, — люди вон наново сотворенье мира затеяли, а ты все об своем, об старом...

— Вот и Вася так говорит, — с сомнением сказала Анюта. — А я не знаю... Скажи мне, Денис Иваныч, — со страстной надеждой продолжала она. — Я тебе верю. Скажи, вправду будет новая жизнЬ? А?.. Вправду ему, — она изо всех сил прижала к себе младенца, — будет лучше, чем нам?

Денис сидел молча, словно советовался с совестью своей, прежде чем дать ответ.

— Полагать надо — вправду, — ответил он.

— Вот и верю, а как же поверить! — в смятении продолжала Анюта. — Ведь гляди, что вокруг-то: голод, смерть, вши.

И опять некоторое время Денис сидел молча, в глубоком раздумье.

— Это что! — молвил он наконец. — Голод уймем, вошь подохнет... Совсем другой оборот жизни пойдет...

— Пойдет? — Анюта жадно ловила каждое его слово.

— Вон станцию выстроим. Завод, фабрики... Тогда хоть год скачи, а вшу не найдешь... А только я тебе, милая, так скажу: не та вошь страшна, что за пазухой, а та, что в душе живет. Ведь оно как у людей? «Лишь бы я!.. Все бы мне!..» А нет у него, подлеца, свово интереса, так он, прости господи, всему свету вон какой резон кажет. — Денис, иллюстрируя свою мысль, изо всех сил хлоп-

нул себя по ягодицам.— Вот ведь как! Вот она, вошь-то где!.. Изведем ее— будет у тво-во сына новая жизнь, будет с него людям прок. А нет,— он махнул рукой,— вошь она и есть вошь — крестьи ее или не крестьи!.. Так-то, голубка!..

* * *

Между тем Василий по-прежнему шел вдоль железной дороги. Догорел день, настали сумерки, занепогодила ночь, а он все шел и шел. Ветер гнал вкрай и вкось дождевые капли.

Мелькнул огонек, заслоняемый качающимися соснами, — станция.

Но эшелона тут не было, и Василий прошел дальше.

На рассвете — мутном, ненастном — он добрел наконец до полустанка, где стоял затерявшийся эшелон. Паровоз заглох, вокруг не было ни души.

Тщетно под ветром и дождем бегал Василий вокруг эшелона, оглядывал вагонные площадки и окликал:

— Эй, есть тут жив-человек?

Площадки пусты — одна лишь связка кондукторских фонарей.

В окне полустанка светил тусклый огонек. Василий поспешил туда. В крохотной, сильно обкуренной, грязной комнате начальника полустанка спали на полу машинист, его помощник, кочегар, кондукторы, охрана.

— Куда эшелон? В Загору?

Поднялся один из спавших, видимо, маши-

нист, и долго кашлял и харкал спросонья, пока ответил:

— Ну, на Загору.

— Это вы что ж?! — яростно заговорил Василий. — Саботаж разводите! Так, что ли, понимать? Почему эшелон стоит?

Все проснулись, но ответил опять машинист и опять после долгого утреннего отхаркивания курящего человека:

— Дров нет... Кто-то мост подрубил в Опалихе... Мы там трое суток под парами стояли... Вот и вышли дрова.

— Как нет дров — кругом лес?

— А нам не лес — нам дрова нужны, — взразил саркастически машинист и запалил цигарку. — Обещались подать. Подадут — поедем.

— А вы что, баре тут? — стараясь сдержаться, сказал Василий. — Сами нарубить не можете? На Загоре народ помирает без хлеба, а они тут дрыхнут!!

— Полегше! — сердито откликнулся кто-то. — Откуда взялся?

— А ну, вставай мигом! — рявкнул Василий.

Никто не встал. Засмеялись.

— Шлепнуть бы вас! — в бешенстве проворчал Василий.

Он подошел к начальнику полустанка, который лежал на единственной койке в форменном пальто и в форменной красной фуражке.

— Здешний? Чтоб через пять минут были тут топоры! Понял?!

— Да где я тебе их возьму? — развел руками начальник, не поднимаясь с койки. — Вон топор, — указал он в угол за дверью, — бери, если приспичило. Вон и пила.

Василий взял топор и пилу и вышел, изо всех сил хлопнув дверью.

— От контуженный! — крикнул ему вслед кто-то из кондукторов и повернулся на другой бок.

Утихли, задремывая, и остальные. Закашлял машинист, гася цигарку и щурясь от дыма. А когда кашель стих, стали явственно различимы мерные и сильные удары топора, доносившиеся снаружи. Все заворочались, некоторые накрылись с головой шинелями.

Но стук топора продолжался — сильный, отчетливый, проникавший сквозь стены и сквозь шинели.

Машинист крякнул и стал натягивать сапоги. Вышел. Остановился возле двери крылечка по своей нужде.

В серой пелене болотного дождя Василий, сильно взмахивая топором, рубил дерево. Вот оно грохнуло оземь. Василий поплевал на руки и принялся за другое.

— Эй ты, мил человек, — сказал машинист, застегивая ширинку. — Знаешь, сколько дров надо, чтобы до Загоры доехать? Тут пять ден рубить надо.

— Пять надо — пять рубить буду, — ответил Василий. — Не твоя печаль. Ты или досыпай свое, дармоед...

— Ну, руби, руби...

И машинист ушел обратно в комнату начальника полустанка.

Кто-то спросил его там:

— Неужто ж правда один рубит?

— Рубит.

Машинист сел на скамейку, свернув цигарку. Теперь никто уже не спал, все слушали доносившиеся снаружи удары топора. Вот упало дерево и резко хлестнуло по крыше, словно ударили огромный жгут. И опять удар топора, снова удар.

Василий рубил. Он скинул шинельку, спина была мокрая, пар валил от рубахи. Рубил он неумело, видно, дело это было для него непривычное. Но цель, во имя которой он один на один валил деревья, придавала ему силу, и велика была эта сила, хоть и не спал он всю ночь.

...И вот уже срублено несколько деревьев, обрублены у них ветки, солнце стоит высоко. На крыльце полустанка опять вышел машинист, с ним еще несколько человек. Они стояли и смотрели, как Василий работает. Он рубил все еще сильно, но уже чувствовалась усталость. Иногда топор соскальзывал: все чаще и чаще останавливался Василий, чтобы утереть пот.

Начальник полустанка сказал:

— Ладно дурить! Куда тебе одному, разве можно? Зайди отдохни, поешь.

Василий даже не обернулся в их сторону.

Те опять ушли в дежурку. Расселись по скамьям. И опять донесся до них стук топора, но уже неровный, какой-то судорожный, не-

ритмичный, словно дыхание человека, которого держат за горло.

— Слушай, — сердито сказал машинист начальнику полустанка, — а где в самом деле топоры-то достать? А?

— Да бес их знает... Разве, может, на хуторах...

— Петька, сгоняй до хуторов, — приказал машинист.

Петька и еще один паренек из паровозной бригады вышли.

— И пилы! Пилы! — закричали им вслед.

Парни выбежали из дежурки и пробежали мимо Василия. Он в это время приспособливал одно из деревьев к распилке.

Подтащил его к другому дереву и теперь старался навалить один ствол на другой, чтобы было сподручней пилить. Работал он из последних сил. Споткнулся, поднимая колом дерево, упал, встал весь в грязи, опять поддел колом ствол и, шатаясь, навалил его на другой ствол. Взял пилу.

Это была пила, приспособленная для работы двух человек.

Пилить было неловко, пила сгибалась, скакивала с надреза. Но Василий опять вставлял ее в надрез и снова упрямо пилил. Пот лил с него градом. Видно было, что работает он уже в полном изнеможении. Его пошатывало.

Опять появились на крыльце машинист и другие.

— Дай-кося, чудак, — сказал машинист и взялся за противоположную ручку пилы.

Теперь работать стало куда ловчее. Отпилили кругляк, принялись пилить другой. Один из кондукторов взял топор и, надсадно крякнув, стал рубить дерево.

... А к ночи, в сумерках, уже и машинист, и кондуктора, и охрана, и Василий, да и сам начальник полустанка, всем миром, валили и пилили деревья. Дождь сыпал и сыпал. Совсем стемнело.

— Шабаш! — сказал машинист.

Все побросали топоры и пилы. Все, кроме Василия, продолжавшего пилить.

— Идем, брат, шабаш! — сказал Василию машинист. — Сам видишь — темень. Утром докончим.

Василий отрицательно покачал головой.

— Никуда не пойду.

— Что ж ты, всю ночь пилить будешь?

— Ну и буду.

— Сдохнешь ведь, — сказал кто-то.

— Людям хлеб нужен, понятно тебе? — прохрипел Василий. Он был страшен. Глаза ввалились от усталости, он едва стоял на ногах. — Хлеб! Или не будет Загоры. Понятно тебе?

Больше он не мог проговорить ни слова и только махнул рукой.

— Вот черт упрямый, — в совершенном изумлении молвил машинист. Он отбросил цигарку, сплюнул и снова взялся за пилу. И другие, подумав, мало-помалу опять принялись за работу.

Шел дождь, шумел в сосновых ветвях. Шумел он и тогда, когда начало рассветать.

* * *

Ранним утром Аньота с ребенком стояла у окошка больницы. Денек, как всегда в этих местах, был хмурый, но целый мир — пусть хмурый — расстилался за окном. Сын Аньоты в первый раз в жизни глядел на него, и она знакомила сына с этим огромным миром, как знакомят вновь пришедшего гостя с давно известными местами.

— Вон это лес, — говорила она. — А вон там облачко... А это станция, там мамка твоя работает, и папка тоже... Виши, какая большая станция выросла. Вот и ты у нас такой вырастешь... Будешь в каменном доме жить. И никто тебя не обидит... Не прибьет, как твою мамку били.

Сын вдруг заплакал, сердито, без слез, как плачут совсем крохотные дети.

— Ну-ну-ну, — заговорила, улыбаясь, Аньота: ей был радостен голос сына даже в плаче, — ну, умненький, ну, послушненький... Вон, гляди, собачка... Пойди к нам, собачка!.. А это народ идет... Видишь?

Действительно, из окна было видно, что по дороге, от стройки, идет народ. По мере того как толпа приближалась, становилось ясно, что это какая-то странная, необычная толпа.

Люди шли, нагруженные мешками, котомками, узлами, с кричащими детьми на руках. Некоторые несли пилы, завернутые в рогожу, топоры, сундучки с инструментом,

народ шел молча, сосредоточенно — слышен был лишь нескладный топот.

— Что это? — в тревоге спросила Аньота у женщин в палате. — Смотрите, народ какой-то идет...

Женщины мигом прильнули к окну.
Аньота растворила раму.

— Куда? Люди!

Никто не ответил ей. По-прежнему шли молча, понурившись, только ребятишки плали да брехали собаки.

В палату вбежала женщина.

— Бабы, народ уходит! — затараторила она. — Побросали работу... Человек двести, а может, поболе.

— Как — уходят? Куда?

— А кто его знает... Совсем уходят!

— Как же быть, бабы? — проговорила в испуге Аньота. — Надо бы побежать, сказать... Эх, Васи моего нет! — горестно добавила она.

...А народ уже вышел из поселка на дорогу. Утро было теперь прозрачное, холодное, золотое. Шумели в воздухе галки, напуганные необычным движением. Вдруг передние ряды встали. Задние напирали, но впереди не двигались. Причина была в том, что перед толпой стоял Хромченко — маленький, в пенсне со шнурком, в шляпе, с хилой бородкой.

Сзади в толпе кричали:

— Чего встали? Чего там?

Хромченко крикнул так, что толпа сразу смолкла.

— Стойте, товарищи! Погодите! Это вы куда?

Толпа стояла молча. Кто-то откликнулся:

— Уходим мы — вот куда!

— То есть как — уходите? Это как понимать? Это что ж — дезертирство? Ну, уйдете, а подумали вы о том, что будет? Что остановится стройка, встанет Загора. Подумали вы об этом? О революции вы подумали?

— Э, милай! — зазвучал женский голос. — Как же ее делать-то, революцию, на осьмушку-то хлеба?!

— Работали сколько могли. Пока силы были.

— А на фронтах?! — закричал Хромченко. — Там ведь тоже голод. Но там еще и кровь, товарищи... По всей стране кровь, разруха. И только в одном месте строим — здесь!. Один огонек в темноте. Неужто задуем его? Неужели погасим? Это же подłość, товарищи!

— Ты вот что, Иван Андреич, — строго сказал Семен. — Ты народ не кори. Народ тут ночей не спал, детей хоронил, а работал... А теперь нету сил. Не ушли бы — сил нету! Понятно?

— Да погоди ты! — отчаянно воззвал Хромченко. — Ведь эшелон с хлебом идет, товарищи!

Но настроение толпы уже стало резким, недружелюбным.

— Покуда твой эшелон дойдет, ноги прятанем!

— Давай, народ, двигай!

Задние ряды подняперли, подтолкнули передних, и толпа тронулась, обтекая Хромченко, который стоял, словно островок, среди этого потока шапок, котомок, мешков.

* * *

...Шумит-бежит паровоз среди болот: идет на Загору тот самый эшелон с мукой, который стоял без дров на полустанке. На тендере, полном дров, спит непробудным сном Василий.

Сидит у окошка паровоза знакомый нам машинист с неизменной цигаркой. Скользит хмурый мелкий лес, перелески, осоки.

Тонкий столб дыма повис над лесом. Машинист окликнул помощника:

— Гляди, что это?

— Для костра велик, — определил помощник, взглянувшись. — Не пожар ли?

— Кажись, на Загоре. А ну, разбуди младца.

Кочегар влез на тендер и принялся расстакивать Василия. Но тот спал мертвым сном.

— Спит, не добудишься, — кочегар махнул рукой и слез с тендера.

* * *

...Толпа, уходившая со стройки, — та самая, которую уговаривал Хромченко, — вышла из леса и растянулась длинной усталой цепочкой, когда раздался чей-то голос:

— Гляди, ребята! Что это?
Остановились, обернулись. В небе висел уже довольно густой дымный хвост. Несколько человек взбежали на пригорок.

— Никак, Теребеевка, — крикнул кто-то.
— Не электростанция ли?

— Точно! На Черном озере!
— Ой, матерь божья, святые угодники, — забормотали бабы, и быстро замелькали их руки, очерчивая кресты. — Ой, господи, спаси и помилуй!..

* * *

...Рельсы плавно скользили среди сплошной стены леса, а когда паровоз выбежал на простор, сразу стала видна огромная шапка черного дыма, разметавшегося по небу.

— Кажись, правда, Загора, — сказал в тревоге машинист. — Давай буди! — нетерпеливо обратился он к кочегару. Тот опять влез на тендер и растолкал наконец Василия.

Василий замычал, открыл глаза, приподнялся и снова лег.

— Глянь-ка, брат, не у вас ли горит?
Василий сразу вскочил на ноги. Встал во весь рост на тендере.

— Где горит?
Теперь уже видны были грозные тучи дыма. Даже за много верст от пожара ощущалась его страшная, гибельная мощь.

— Загора горит! — не своим голосом крикнул Василий, спрыгнул вниз к машинисту. — У нас это... Загора горит...

И он схватился за голову, вспомнив предупреждение Федора.

— Поджог это... Подожгли, сволочи! — бормотал он. — Чего тянешь, давай гони! — крикнул он машинисту.

— Подкинь дров, — приказал машинист кочегару.

И кочегар вместе с Василием начали бросать дрова в топку.

К небу взвился новый, пронизанный огнем султан дыма — так бывает на пожаре, когда рухнет крыша или займется новое здание, где обильна пища огню.

* * *

...Тот же султан дыма увидела и толпа. Она продолжала стоять на пригорке, следя за пожаром.

И, словно это был сигнал к действию, потому что кто-то сказал:

— Как же, братцы-то, быть? Ведь сгорит.

— Ну-тка, бабы, постереги вещички, — обернулся Семен.

Несколько баб сразу заговорили:

— Давай сюда, давай, милок... Разве ж можно...

Большая группа мужчин во главе с Семеном быстро направилась в сторону пожара. Затем, через некоторое время, отделилась другая группа мужчин и тоже двинулась к озеру. И вскоре вся толпа, которая еще совсем недавно кричала Хромченко, что сил нет и что на осьмушку не проживешь, спешила

обратно в Загору, где пожар, несмотря на всю свою силу, казалось, еще только разгорался.

Возле вещей остались несколько крестившихся баб, дети и старики. Одна старуха, стоя на коленях на земле, клала поклоны прямо в грязь и крестилась дрожащими старческими руками.

* * *

Машинист включил тормоза, подходя к сто первой версте, вагоны лязгнули буферами, эшелон замедлил свой бег.

Василий еще на ходу соскочил со ступеньки паровоза и кинулся было к месту пожара.

Вдруг кто-то налетел на него, его окружили. Василий даже сразу не понял, в чем дело. Его схватили, скрутили руки назад.

— Куда, голубок? — спросил его человек, в котором можно было узнать Расстригу. Василий ошалело оглянулся и увидел, что на паровозе уже орудуют какие-то люди под командой Степана и что машинист и кочегар, сброшенные с паровоза, тяжело плюхнулись в грязь.

А тем временем другие люди во главе с Чернобородым уже сбивали с вагонов пломбы и ловили убегавших кондукторов.

Широко раздвинулись вагонные двери, и один мешок за другим полетели на насыпь. Из лесу вымахнули телеги, которые бандиты прятали там. Шайка стала набрасывать в телеги мешки с мукою.

Не в силах вытерпеть этого зрелица, Василий рванулся. Но его крепко держали.

— Эй, не бáлуй!! — грозно прикрикнул Расстрига.

Он схватил Василия за плечи и развернул его лицом к бушевавшему пожару:

— Ты лучше сюда погляди.. Обещал тебе встретиться, вот и встретились. Или не по душе?

— Эх, лопухи же мы, лопухи! — со страшной злобой процедил Василий. — Ведь чуял я... Душа чуяла... Давно бы к стенке вас всех!..

— Цыц, нехристь! — отозвался Расстрига и толкнул Василия кулаком в затылок. — Гляди, тебе говорят.

И только один человек, не принадлежавший к шайке, видел эту сцену: помощник машиниста, которому удалось соскочить с другой стороны паровозной площадки и спрятаться в осоке. Теперь, не замеченный бандитами, он скользнул на животе по кочкам и пополз изо всех сил по направлению к горевшей Загоре.

* * *

...Горела Загора. Горели бараки, Народный дом, склад, где работал и жил Василий, столовая, подстанция, лавки, конный двор.

Люди вытаскивали свои пожитки из тех немногих бараков, до которых еще не добралось пламя. Другие, стоя на крышах, поливали их водой из ведер.

До электростанции огонь еще не дополз. Ее лихорадочно окапывали загорцы, в том числе Зимний и Хромченко. Был тут и Денис.

Вот Зимний вытер черный пот, оглядев раскинувшееся перед ним безбрежное море огня, и сказал дрогнувшим голосом Денису:

— На нашей территории, брат, дают нам бой!.. А?

Денис разогнулся, обтер руку о новые обгоревшие штаны, поглядел на пожар и сказал:

— Ну что это за бой!.. Вот если бы оттуда еще стреляли!

И побежал вдоль открытой траншеи крича:

— Давай-давай!.. Не дрейфь, братцы!..

Перед ним, беспощадно приближаясь к зданию электростанции, гудела стена огня.

Помощник машиниста, которому удалось спрыгнуть с паровоза, бежал вдоль этой стены огня: мимо пожитков, вытащенных на траву, мимо кричавших детей, мимо черных, измазанных в саже людей, тушивших пожар.

— Где тут начальство? Кому тут сказать?

Но никто в пылу работ, в том числе и Семен, который выводил из конюшни дико ржавших лошадей, не обращал на него внимания.

Помощник машиниста подбежал к группе женщин, выволакивающих матрацы и койки из бревенчатого дома, не тронутого огнем. Это был родильный барак, а среди женщин была Анюта. Новорожденные, в том числе и сын Анюты, лежали тут же на траве.

Анюта только что вынесла на носилках

стонавшую роженицу, когда появился помощник машиниста.

— Кому тут сказать? Где начальство найти, мать честная?

— А что такое? — спросила Анюта.

— Поезд грабят. Людей убивают. Кому сказать?

— Какой поезд?

Помощник машиниста не ответил и только безнадежно махнул рукой.

— Начальство на электростанции ищи, — показала рукой одна из женщин, — беги туда.

Помощник машиниста исчез в дыму. Анюта снова взялась было за носилки с роженицей, но вдруг замерла.

— Эй, человек! Какой поезд?

Но человека уже и видно-то не было...

Анюта, помертвев от испуга, кинулась к бабам.

— Какой поезд-то? Ведь поезда-то не ходят... Не с хлебом ли эшелон? Бабы!! Не Вася ли мой?

* * *

...Теперь уже мешки с мукой летели на насыпь из всех вагонов. Нагруженные телеги одна за другой отъезжали в лес. Но множество мешков падали под откос, разбивались, мука рассыпалась по траве, по лужам.

Командовали операцией Степан и Расстрела.

И Василий, которого по-прежнему держали за скрученные на спине руки, вынужден

был бессильно глядеть на этот грабеж. Дрожь злобы и ненависти била его. Но вот, изловчившись и улучив момент, он снова рванулся. Парни, которые не ждали такого рывка, выпустили его. Он бросился к ближней телеге, вскочил на нее, с ходу сбил мужика, стоявшего на телеге:

— Не дам! Не пущу!

Кто-то попытался вспрыгнуть за ним на телегу, но Василий страшным ударом ноги отбросил его. За ним другого, третьего. Кому-то удалось все же схватить его и опрокинуть. Стацили на землю, навалились. Он дрался руками, ногами, зубами. Вот подвернулся Расстрига, Василий ударил его головой в зубы, тот рухнул. Подбежал Степан и выхватил знакомый нам наган.

Однако дерущиеся слились в клубок, в котором нельзя было разобрать — где враг, а где свои. И Степан метался вокруг этого клубка, тряся наганом, вызывая:

— А ну, дай место, дай место... Поверни его... Отступись!.. Дайте-ка мне с ним, с разой, поговорить!..

И, уловив момент, когда Василий был открыт, Степан в упор выстрелил в него. Василия точно хлестнуло горячим ударом бича. Он метнулся в сторону, закружил, рванулся к Степану. Но тот отскочил и резнул из револьвера еще раз. Василий упал и забился в грязь и в мучной пыли. Однако сила жизни была в нем так велика, что через секунду он все же стал медленно подниматься.

— Держи его! — в ужасе завопил Степан.

На Василия накинулись, свалили навзничь в лужу, стали избивать чем попало, чудовищным смертным боем. А Степан прыгал вокруг и палил непонятно куда из своего нагана.

Казалось, все было кончено. Но последним судорожным усилием Василий вдруг сбросил с себя тела и головы, налипшие на него, и протянул вперед руки, как бы взывая о чем-то или желая что-то спросить. И тут же Степан всадил ему прямо в лицо последнюю пулю. Василий скользнул как-то боком и стих. Он был мертв.

А из лесу, наперед бандитам, бежал уже из горящей Загоры народ с дрекольем и топорами.

Бандиты, грабившие задние вагоны, первыми пустились наутек на телегах, прямо по кочекам. Подпрыгивали телеги, падали в болото мешки.

Вот загорцы перехватили одну телегу, застрявшую в болоте, потом другую.

На третьей Семен поймал Чернобородого и изо всех сил ударили его колом. Чернобородого, словно пушинку, смахнуло в болото. Семен еще раз сработал своим колом. А народ кричал:

— Так их, злодеев!.. Тащи их в полымя!.. Чтобы помнили, контры, как поджигать!!

Расстрига, визжа, бежал на четвереньках среди кустов быстро, как заяц, его долго никак не могли схватить. Но вот наконец попался и он. Его подняли за руки и ноги, взмахнули им раз-другой и ударили головой о сосну.

Перехватили и Степана, удиравшего на тёлке, нагруженной мешками. Попытались снять его с телеги. Но он все выше, все круче взбирался на мешки, воля:

— Это не я, братцы!.. Вот крест святой — не я... Это они подожгли!.. Невиновен я! Это они, гады, подговорили, подбили меня... Да нешто я против? У меня папанька рабочий. Не надо меня убивать!.. Я в сиротском доме рос... Братцы-товарищи!.. Православные христиане!..

Его поймали за ворот, стащили с мешков. Фигура его медленно поползла по мешкам вниз головой — сперва проползла фуражка, за ней гимнастерка, затем галифе... И, как только полностью вырисовались во всем блеске эти знаменитые галифе, движение сразу остановилось. Да, так и застыли огромные Степкины галифе на фоне осеннего свежего неба.

* * *

Потушен пожар, сгорел почти весь поселок на озере. Как всегда после пожара, кошлились на еще дымившихся пепелищах люди, вытаскивая из-под пепла обгоревшие вещи, согнутые пламенем койки, обломки и обрывки чего-то, а чего — невозможно было понять.

От многих зданий остались только черные печные трубы — странные и неестественно длинные среди пустой, тоже черной, еще горячей земли.

* * *

И у Зимнего с Хромченко, проходивших среди развалин, было то чувство, которое ощущаешь, когда, закончив тяжелый и долгий труд, вдруг видишь, что все надо начинать сначала.

— А уцелело сколько? — спрашивал Хромченко.

— Девять домов, — ответил отрывисто Зимний, — да и те... — он махнул рукой.

— Придется землянки рыть?

— Видимо, да.

Они проходили мимо обгоревшего продовольственного склада. Сюда свозили отбитую у бандитов муку — мешки в беспорядке были навалены у входа. Артель Семена спешно заделывала рухнувшую стену склада.

— А, Семен! — окликнул Хромченко, стараясь придать своему голосу бодрый тон. — Ты, значит, тут?

— Значит, тут, — хмуро ответил Семен.

— Выходит, остался?

Семен ничего не ответил. Он продолжал работать.

— А остальные как?

— Все тут...

— Ну и как дальше думаете?

— Думаем так, что наперед надо поменьше ушами хлопать, — сердито отчеканил Семен. — Особливо начальству.

Хромченко смущенно хмыкнул, снял пенсне и стал протирать его платком.

К Зимнему, который во время разговора

Хромченко и Семена ушел вперед, подбежал человек.

— Александр Васильевич. Москва к телефону.

— Да ну? — радостно отозвался Зимний и быстро пошел к полуслоревшему зданию конторы.

В конторе все было свалено, разбито, как всегда после пожара. Одна из стен обвалилась и была прикрыта брезентом, трепыхавшимся на ветру. Столы были сдвинуты, папки лежали на полу.

Зимний нетерпеливо схватил телефонную трубку.

* * *

...Знакомая нам приемная Совнаркома в Кремле. Дежурный сказал в телефон:

— Товарищ Зимний, сейчас с вами будет говорить Владимир Ильич.

* * *

...В конторе строительства Зимний взъяренно и нетерпеливо прикрикнул:

— Тише, товарищи!.. Прекратите стук!.. Все умолкли, а Зимний заговорил в трубку:

— Владимир Ильич? Здравствуйте... Да, Владимир Ильич, был пожар... Видимо, поджог... — Он мялся, не зная, говорить ли Ленину всю правду. — Да, кое-что сгорело... Несколько бараков... Часть заготовленного торфа... Но, в общем, ничего страшного,

* * *

Кабинет Ленина в Кремле.

Вид у Ленина крайне утомленный.

Он сильно изменился с тех пор, как мы видели его в том же кабинете. Осунулся, ему нездоровится. На хохлившиесь, сидит он у телефона, иногда закрывая глаза, как бы отдыхая от света лампы.

После слов Зимнего о том, что, в общем, ничего страшного не произошло, Ленин коротко и недовольно кашлянул.

— Вы вот что, товарищ Зимний, — сказал он круто. — Насколько я понимаю, вы собираетесь нас успокаивать? Так вы нас не успокаивайте. Говорите правду — то, что есть. Перечислите, что сгорело.

И, слушая Зимнего, который, очевидно, начал рассказывать подлинные подробности пожара, Ленин отрывисто говорил:

— Так, так... так... так...

Когда Зимний кончил, Ленин поправил на столе бумаги рукой, которая после ранения действовала у него не очень ладно и спросил:

— Ну, а народ как? Не уходит от вас народ?

— Кое-кто уходил, Владимир Ильич... А в пожар все вернулись.

И вдруг осунувшееся, усталое лицо Ленина стало мягче, заиграла улыбка:

— Да? Ну, вот это хорошо. Это, пожалуй, самое важное.

Некоторое время в его глазах еще све-

тился отблеск улыбки. Затем погас, черты лица стали резче.

— Человеческие жертвы есть?

— Особых жертв нет. Есть ожоги, ранения... Только один погиб от руки бандитов. Защищал хлеб. Губанов такой, коммунист. Может, помните?

Ленин нахмурил лоб, припоминая.

— Губанов?.. Не знаю. — Чувствовалось, что он очень хочет вспомнить, но вспомнить трудно: слишком много проходит каждый день людей, судеб, событий.

— Вы ему еще гвозди помогали достать, — непривычно быстро и горячо заговорил Зимний. — Молодой такой... Помните?

Ленин провел здоровой рукой по щеке. Качнул головой.

— Нет, не помню, — печально, с упреком себе сказал он и примолк. — Д-да... Теряем людей... Хороших людей теряем, Александр Васильевич, — негромко проговорил он, помолчав, как если бы образы всех тех, кто пролил свою кровь за советскую революцию, встали перед ним.

И снова умолк. Настала долгая пауза, и Зимний слышал только гул телефона, как будто гудели провода.

— Если есть семья у товарища Губанова, Александр Васильевич, — снова услышал он тихий ленинский голос, — то позаботьтесь... Обязательно позаботьтесь.

И Владимир Ильич медленно положил трубку.

* * *

— Дорогие мои товарищи! Сегодня мы хороним Васю Губанова, нашего дорогого друга, которого мы все так любили и знали так хорошо. Кто такой Вася Губанов? Родился в рабочей семье. Двенадцати лет пошел на завод. Потом революция, гражданская война... Ранили его. А потом пришел сюда, к нам, в Загору... Вот и вся его жизнь. Вся, товарищи!..

Это речь, которую Хромченко говорит над раскрытым могилой Василия. Высится простой гроб, наскоро сбитый из досок и грубо окрашенный в красный цвет. Много народа. Большинство стоит у гроба, но некоторые разместились поодаль, среди могил.

И, как всегда на похоронах, в этих группах людей, стоящих поодаль, идет свой негромкий разговор.

— А где же оркестр? Надо бы музыку.

— Клуб-то сгорел. Где ж ее, музыку, взять?

Другая группа.

— А с теми что?

— Есть слух — выехал ревтрибунал из Москвы.

— Не судить их — шкуру с них надо живьем содрать!!

И тут же:

— Говорят, у него баба с дитем осталась?

— Вон она...

Мы видим Анюту. Окруженная группой торфянниц, среди которых Катя и Малаша, она

тоже стоит поодаль от могилы. Стоит как каменная. И только безысходным отчаянием горят ее сухие глаза.

Доносятся слова Хромченко:

— Это был простой воронежский парень — таких тысячи и десятки тысяч. Он пришел в нашу партию не в час торжества и победы а в час, когда каждый боец на счету, когда быть членом партии — значит идти на смерть! Не пайков, не чинов ждал он от партии, он искал в ней правду, которую надо добыть с винтовкой в руках. И столько было в нем жизни, столько силы, веры, столько упорства, что, казалось, даже смерть не сломит его...

Метнулась Анюта, словно рванули ее эти слова. И снова окостенела, судорожно глотнув воздух, — у нее перехватило дыхание.

А с могилы донеслись заключительные слова:

— Клянемся тебе добить эту правду, то-вариц Губанов, чтобы исполнилась твоя мечта!

Толпа зашевелилась, видимо, гроб начали опускать.

— Да подойди поближе-то, — тянула Катя Анюту за рукав, — чего ты стоишь тут?

Анюту двинулась и снова остановилась.

— Нет... Нельзя мне... Невенчанные мы с Васей.

— Что ты несешь! Теперь не царский режим! Ах, горе мое, горе мое! — крикнула Катя.

Застучали комья земли о крышку гроба. Вдруг из толпы прозвучал голос:

— Позвольте мне.

Люди раздались, к могиле выбрался человек — знакомый нам машинист паровоза.

Снял шапку, постоял, помолчал.

И все тоже молчали, удивленно глядя на него.

— Я здесь человек чужой, — начал он наконец, — машинист я, с поезда... Никого я вас тут не знаю... и парня этого не знал... Только видел я, как он дрова рубил, как для народа старался. — Машинист говорил с запинкой, с большими паузами, с трудом подыскивая слова. — Вот кабы все мы так... да всегда бы!.. — проговорил он и опять смолк. Прощай, брат! — заключил он неловко после молчания.

И опять полетели на крышку гроба комья земли.

До группы, где стояла Анюта, явственно доносился этот дробный стук кидаемой земли. Анюта побледнела и пошатнулась. Ее подхватили.

— Дайте бутылку... Где водичка-то, — бормотала Катя.

Стучала, падая в могилу, земля.

...И вот уже вырос свежий могильный холм. Народ расходился. Анюта, осунувшаяся, с ввалившимися глазами, по-прежнему стояла поодаль. Ее сын был на руках у одной из торфянниц.

— Ну-ну, Анюта, — приговаривала, всхлипывая, Катя. — Теперь уж... Что уж теперь... Теперь уж ничего не поделаешь, — повторяла она, поддерживая Анюту под руки.

Подошел от могилы Денис, Аньота метнулась к нему, прижалась головой к его груди.

— Денис Иваныч! Как же без Васи? Без Васи-то? А? — лепетала она.

Он обнял ее. Тихонько гладил по голове, думая о том, что сказать этой несчастной женщине.

— Что же тебе сказать, хорошая ты моя? — проговорил он, как бы подведя итог своей трудной думе. — Поди миллион слов есть на свете. А такого, чтобы утешить тебя, не найти. Какие уж тут, как бы сказать, слова!..

Подошла Катя.

— Пойдем, Аньота... Пойдем... Тебе и кормить пора.

Аньота вырвала свои руки из ее рук и взяла сына.

— Идите, бабы. Спасибо вам. Денис Иваныч, можно мне тут одной побывать?

— Побудь, голубка моя, побудь...

Денис дал знак бабам, и все они вместе с ним пошли с кладбища.

А Аньота с ребенком на руках подошла к могиле. Остановилась.

...Уже стемнело, кончался короткий сырой, осенний день, а Аньота все еще стояла перед могилой. Проснулся у нее на руках и заплакал ребенок. Она перекрестилась и пошла к воротам.

Вдруг кто-то окликнул ее:

— Аньота!

Аньота вздрогнула от неожиданности, повернулась, поправила платок,

Неподалеку от нее стоял Федор.

— Чего тебе? — негромко спросила она.

Горестный, он уставился в землю, не зная, с чего начать.

Потом, повздыхав, проговорил:

— Ну так как?.. Что теперь делать будем?.. Вот оно как все вывернулось-то!..

Она молча пошла к выходу с кладбища, он за ней.

В воротах сказал:

— Ведь я к чему? Жить-то где теперь будешь? Ведь сгорело все... А у нас с тобой дом... Печь натоплена... И хлеб есть и пшено на всю зиму приспособлено... А?.. Аньота!..

Они вышли из кладбищенских ворот. Ободренный молчанием жены, Федор уже увереннее продолжал:

— И мальчонка без батьки-то, а?.. А я ему заместо отца буду... Пущай живет. Ведь любовь у меня к тебе, любовь! — с огромной нежностью и отчаянием сказал он.

Она медленно покачала головой.

— Нет, Федя. Ни к чему это.

— Ведь помрешь! — завопил Федор. Ничего же нет!.. Холод ведь... Крыши, и той нет!..

Она покачала головой.

— Ничего, не помру... Как народ, так и я.

И ускорила шаг. До перекрестка они шли молча. Тут дороги расходились: одна вела в Загору, другая в Теребеевку.

— Шел бы ты лучше на стойку, — сказала тихо Аньота, — гляди, ведь все съезживаю... Руки-то ой как нужны!

Он подумал, вздохнул.

— Нет!.. У нас у самих делов много... Сарай надо чинить, картошку копать...

Она некоторое время смотрела на него, глубоко задумавшись. Потом повернулась и пошла по дороге в Загору.

А Федор постоял, посмотрел ей вслед и двинулся по дороге в Теребеевку.

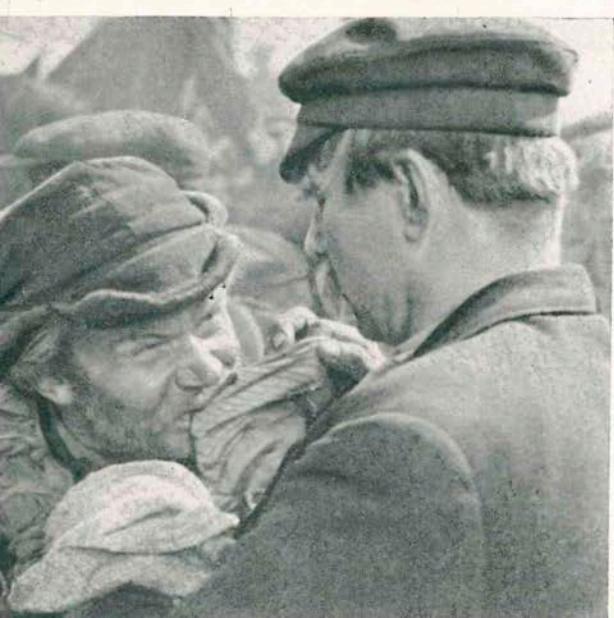
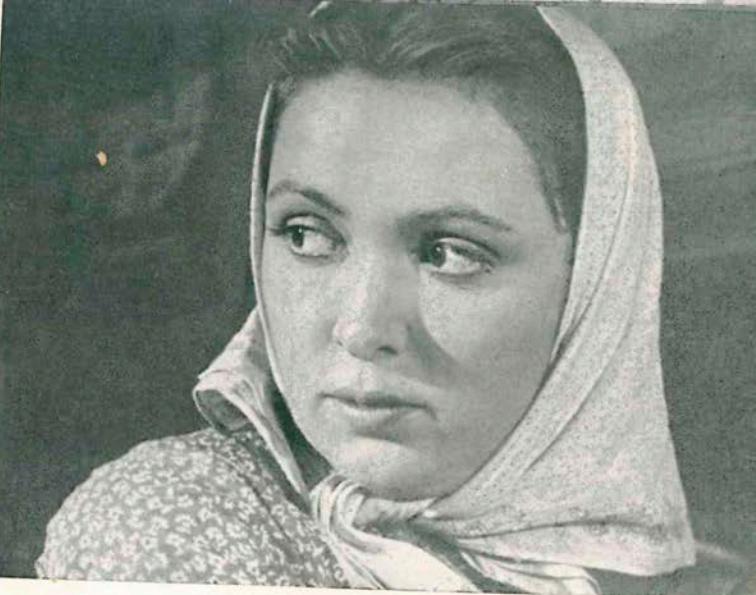
Он шел вдоль осенних трясин, тяжко чавкая в грязи сапогами. Оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на Анюту.

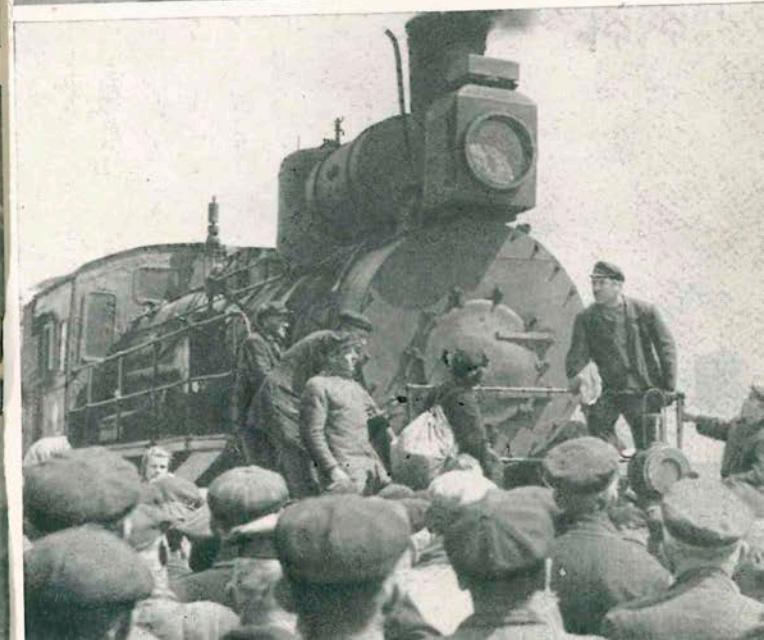
Анюта шла с сыном на руках. Тонкий черный дымок потушенного, но еще не угасшего пожарища вился впереди.

— НА ЭТОМ ОБРЫВАЕТСЯ РАССКАЗ МОЕЙ МАТЕРИ, — слышится голос повествователя. — Я не знал моего отца, но он с удивительной ясностью стоит предо мной, этот скромный, упрямый, нескладный, неистовый человек, о котором с гордостью можно сказать: КОММУНИСТ!

Накрапывал дождь. Бежали по небу холодные быстрые тучи.

Государственное издательство
„ИСКУССТВО“
выпустило в свет книги:

Из серии
«Библиотека кинодраматургии»

Р. Буранцева
„Салтанат“
(Киносценарий)
1956, 88 стр.
Цена 2 р. 15 к.

А. Каплер
„За витриной универмага“
(Киносценарий)
1956, 124 стр.
Цена 2 р. 65 к.

Ф. Миронов
„Весна на Заречной улице“
(Киносценарий)
1957, 124 стр.
Цена 2 р. 50 к.

Б. Ласкин, В. Поляков
„Карнавальная ночь“
(Киносценарий)
1957, 73 стр.
Цена 1 р. 55 к.

В. Виткович, С. Улугзода
„Абу Али Ибн-Сина“
(Киносценарий)

Из серии
«Зарубежная кинодраматургия»
„Сценарии польского кино“
Перевод с польского
1956, 347 стр.
Цена 14 р. 30 к.

„Сценарии чехословацкого кино“
Перевод с чешского и словацкого
1957, 458 стр.
Цена 18 р. 20 к.

Готовятся к выпуску:

Из серии
«Библиотека кинодраматургии»
М. Маклянский, Л. Шейнин
„Ночной патруль“
(Киноповесть)

М. Максимов
„Лично известен“
(Киносценарий)

А. Абрамов, М. Писманник
„Агент „Искры“
(Киносценарий)

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм «Коммунист» цветной, производства киностудии «Мосфильм» 1957 года, 11 частей. Сценарий Е. Габриловича. Режиссер-постановщик Юлий Райзман. Операторы — А. Шеленков, Чен Юлан. Художники — М. Богданов, Г. Мясников. Композитор — Р. Щедрин. Звукооператор — С. Минервин.

Роли исполняют:

В. И. Ленин — Б. Смирнов, Василий Губанов — Е. Урбанский, Аньота Фокина — С. Павловская, Федор Фокин — Е. Шутов, Денис Иванович — С. Яковлев, Степан — В. Зубков, Расстрига — В. Колпаков, Зимний — В. Адлеров, Хромченко — А. Смирнов.